Александр СУСЛОВ

СУНДУК

Обложка и иллюстрации в тексте **Николая Башмакова**

ПРЕДИСЛОВИЕ К «СУНДУКУ»

Читатель! Приоткрыв Сундук,
Всё, что найдёшь, прими как друг,
Доброжелательный и чуткий –
Печаль и радость, смех и шутки,
Минуты горестных сомнений,
Восторг внезапных озарений,
Меланхоличные раздумья
И черный яд полубезумья –
Всё скрыто в этих ровных строчках,
В словах и буквах, цифрах, точках,
И то, как чувствовал и жил
Теперь тебе я предложил.
Будь терпелив по мере сил.
Я жил, я чувствовал, любил,
И этих чувств своих накал
Тебе, читатель, передал.

*** * ***

Т А Й Н А

На острове Пасхи, на острове Пасхи
Застывшие идолы тайны хранят.
Ни полунамёка, ни полуподсказки –
В простор океана уставили взгляд.

Надёжна охрана у тайн океана,
Не спят истуканы ни ночью, ни днём.
Нельзя подкупить, испугать истукана.
Следят они пристально за кораблём.

Корабль одинокий средь волн океанских,
Потрёпанный бурями южных широт,
Из дальних краёв, вероятно, голландских,
На всех парусах к истуканам плывёт.

На палубе люди в одеждах матросов,
На мачтах трепещутся флаги в крестах,
И встретились взгляды молчащих колоссов
Со взглядом людей, искушенных в штормах.

Был каменный взгляд неподвижен и мрачен,
Во взглядах людей – изумленье и страх.
Был остров на карте в тот день обозначен
И «островом Тайны» стал зваться в веках

Как манят, влекут и зовут нас загадки
И властные тайны далёких морей!
Готовы покинуть свой дом без оглядки
И плыть в неизвестность дорогой своей.

Готовы сразиться и с «нордом», и с «вестом»,
Готовы не спать много суток подряд,
Чтоб где-то однажды в краю неизвестном
Скрестить с истуканом таинственным взгляд.

* * *

М У Ш К Е Т Е Р Ы

Честь королевы на карте
Времени только в обрез.
Кони гарцуют на старте
Словно вселился в них бес.

Здесь, пол камзолом, записка,
Шпага на левом боку.
Шляпы надвинуты низко,
Кони летят на скаку.

Кони летят как каменья,
Выпущенные из пращи.
Час – как одно мгновенье.
Ветер полощет плащи.

Но устают и кони,
Время коням остыть.
Кажется, нет погони.
Можно умерить прыть.

Вот и трактир у дороги,
Здесь нам дадут еды.
Этот трактир убогий
Не предвещал беды.

-Эй, трактирщик, вина!
Больше некогда ждать.
Да жирней каплуна,
Прикажи-ка подать!

Проклятье! Какая досада!
Надежда на отдых пропала.
Нас здесь ожидает засада
Гвардейцев и слуг кардинала.

И снова мы мчимся стрелою,
Проносятся мили и лье.
Но только осталось нас трое,
Один на счету Ришелье.

Кто там застыл у тропы?
Шпага смеясь заиграла,
И полегли как снопы
Верные псы кардинала.

После короткого боя
Снова прыжок в седло.
Но нас осталось двое,
Третьему не повезло.

Снова пришпорены кони,
Снова в крови кураж.
Надо уйти от погони
И переплыть Ла-Манш.

Чёрт побери! Засада!
Но мы сорвем их план.
И от всего отряда
Остался в седле д'Артаньян.

Осталось покрыть до цели
Всего лишь с полсотни лье.
Силы уже на пределе.
Удачи вам, шевалье!

Молодость, дерзость, отвага
Не знают преград в пути.
Верная быстрая шпага
Поможет везде пройти.

Ветра порывы резки,
Бьётся волна о борт.
-Просьба вернуть подвески
Как можно быстрей, милорд.

И пусть я не спал две ночи,
И не слезал с коня,
Путь к дому всегда короче,
И ждёт там награда меня.

Честь спасена королевы,
Да здравствует милая Франция!
Где бы вы не были, где вы,
Сегодня я ваш, Констанция!

П Р Е Д Ч У В С Т В И Е Д О Р О Г И

И вновь волнение в крови,
И снова дальняя дорога.
Нас только кликни, позови –
Путей не пройденных так много.

В чём нашей жизни цель и суть?
Одно известно непреложно:
Жизнь – самый долгий, длинный путь,
Жить без движенья невозможно.

Живём в предчувствии дорог.
Мне, в общем, надо так немного:

Чтоб выйдя утром за порог,
Я знал, что ждёт меня дорога.

* * *

Д О Р О Г А

О, Среднерусская равнина,
Родная русская земля!
Какая дивная картина
Твои холмы, твои поля.

За тем далёким перелеском
Вдруг появляются вдали,
Слепя глаза небесным блеском
Соборы, словно корабли.

Бежит дорога пядь за пядью,
Не охватить глазами ширь.
И над озёрной тихой гладью
Вдруг видишь древний монастырь.

Века проносятся потоком,
Бессильно бьются о гранит,
А монастырь под Божьим Оком
Твердыней вечною стоит.

* * *

В ДОРОГУ!

В дорогу, в дорогу!
Нет силы терпеть.
Лишь ведомо Богу,
Куда нам лететь,

Лететь или мчаться,
А может, идти,
И с кем нам встречаться
На долгом пути.

Свобода, свобода!
Пьянящий простор!
За край небосвода
Несёт нас мотор.

И ветер толкает
Упруго в лицо,
И солнце сияет
Пасхальным яйцом.

И вопль восхищенья
От той красоты,
Вином причащенья
Искрятся кресты.
…….
Скорей, скорей, скорей
За пыльный плен порога
В апрельский хмель полей
Зовет меня дорога.

Куда угодно, куда-нибудь,
Хоть к чёрту на рога,
Но только в путь, но только в путь
В леса, поля, луга.

В О Г Н Е М А

Там где небо безмолвно и немо,
В вологодских пустынных лесах
Затерялась деревня Вогнема
Как хвоинка в твоих волосах.

И порою тревожит мне память
Нерешённая мной теорема:
Что я мог потерять и оставить
В той деревне с названьем Вогнема?

Иногда мне дорога приснится,
Вдохновенная, словно поэма,
А над нею как синяя птица
Деревенька, чьё имя Вогнема.

Что названье? Всего лишь фонема.
Но какая-то скрыта здесь суть.
Почему же деревня Вогнема
Не даёт мне ночами уснуть?

*** * ***

ВОСПОМИНАНИЕ О ФЕРАПОНТОВО

Не берите меня на понт вы,
Разных трудностей не испугаюсь,
Вы возьмите меня в Ферапонтово,
В тихом озере я искупаюсь.

Погружусь всей душою усталою
В благодать ферапонтовских вод,
А под берегом лентою алою
Будет медленно виться восход.

Тишина приведет в изумление,
Только плещет оберег вода,

Ферапонтовских вод откровение
Мне уже не забыть никогда.

*** * ***

ВЕЧЕР В ФЕРАПОНТОВО

Небо цвета желтого,
Вечер в Ферапонтово.
Солнце закатилось за леса.
Как невеста белая
Входит ночь несмелая,
Облаком задернув небеса.
И в небесной выси
Фреска Дионисия
Отсветом заката поднялась.
Над святой обителью.
В небе удивительном
Звездочка вечерняя зажглась.

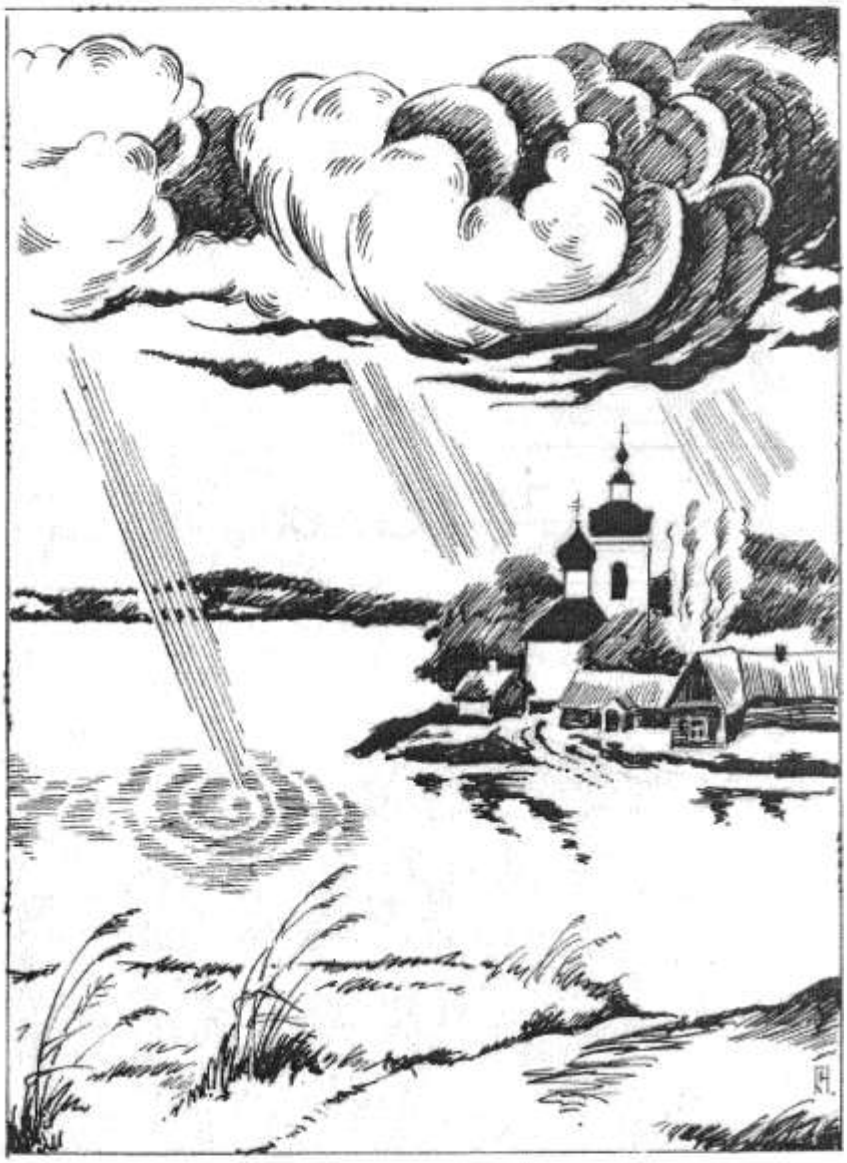
ЗА ТЕХ, КТО НАС ЖДЕТ

Тост

За тех, кто нас ждет.
Их осталось немного.
За тех, кто нас ждет
И не может уснуть.
Кто ждет: вот закончится
Наша дорога
И можно при встрече
Украдкой вздохнуть.

Вот снова ты дома,
Вот снова мы вместе.
Надолго ли – Богу
Лишь ведомо знать.
Но нынче, осилив
Крутую дорогу
Мы можем друг друга
Покрепче обнять

ОБЛАКА



М О Л И Т В А

Две маленькие девочки
по храму тихо ходили.
Они догоравшие свечи
тихонько руками гасили.
Затем осторожно огарки
из поставца вынимали
И, сотворив знаменье,
бережно в ящичек клали.
Горит свеча, догорает,
кончается чьё-то моленье.
Вот огонёк закачался,
осталось молитве мгновенье.
В храме звучат песнопенья,
священник молитву читает,
А мой огонёк слабеет,
вот-вот он сейчас растает.
Воск испаряется, тает,
осталось совсем немного.
Дойдёт ли мой вопль усталый,
дойдёт ли до Господа Бога?
Чистые детские руки
ставят в молитве точку,
Хотя мне прочесть осталось
может быть только строчку.

Р У С Ь

Русь просторная, чудотворная,
Васильковые вьются поля.
Русь привольная, колокольная,
С небом венчанная земля.

Русь высокая, синеокая,
Облака-корабли над тобой.
Русь бездонная, одинокая,
Грады Китежи под водой.

Русь бесстрашная, бесшабашная,
Ты татарской распята стрелой.
Русь кровавая, рукопашная,
Раны черной покрыты золой.

Русь извечная, бесконечная,
С вечной болью и вечной тоской.
Русь хмельная, чудная, беспечная,
Эх, по Питерской, по Ямской.

Русь великая, многоликая,
С кровоточащей вечно душой.

Русь святая, таинственно-дикая,
Как я счастлив быть вместе с тобой.

* * *

О Б Л А К А

Над Россией плывут облака,
Уплывают за кромку земли.
Пролетают года и века,
Оседая в дорожной пыли.

День на день неизменно похож.
Снова падает дождь на траву,
Так же вьётся дорога сквозь рожь
И уходит за край, в синеву.

На пригорке, сияя крестом,
Белоснежный виднеется храм.
О, Россия, мой горестный дом,
Я тебя никому не отдам.

* * *

В Е Ч Н О С Т Ь

Вечные темы покой отнимают,
Вечные темы в сознанье встают.
Вот облака, что плывут над полями ,
Вот васильки безмятежно цветут.

Ветер касается с нежною лаской.
Мир на ладонях у Бога лежит.
Миг ослепительный кажется сказкой.
Время бездонное в озере спит.

У ЦЕРКВИ БОРИСА И ГЛЕБА

У церкви Бориса и Глеба
Растут полевые цветы,
И парус синеющий неба
Несут, словно мачты, кресты.

Плывёт по холмам одиноко
Как призрак по озеру храм,
И плыть ему в вечность далёко
По бурным житейским волнам.

В ТОЛГСКОМ МОНАСТЫРЕ

Прохладой веют каменные своды,
На поставцах потрескивают свечи,
И голос в алтаре мотив выводит вечный,
А за стенами Волга катит воды.

Монашки в чёрном скорбно-равнодушны,
Бесплотные проходят словно тени.
В Введенский храм наверх ведут ступени
И купола массивные воздушны.

П О К Р О В Н А Н Е Р Л И

Как мне найти свои слова
Чтоб выразить могли
Виденье церкви Покрова
Что дремлет на Нерли?

Дорога к храму нас вела,
Луга вокруг цвели,
И белым облаком плыла
Та церковь на Нерли.

Небес раскрылась синева
Над ширью всей земли.
Сияла церковь Покрова
Над Русью на Нерли.

Покров божественный накрыл
Леса, поля, кремли
Размахом белоснежных крыл
Той церкви на Нерли.

Текут, меняются века
Князья и короли,
Но неизменна и легка
Та церковь на Нерли.

И дни свои с трудом влача,
Я помню, что вдали
Мной в церкви зажжена свеча,
В той церкви на Нерли.

Неразличима даль в ночи,
Во дни невзгод и бед
Я вижу дальней той свечи
Неугасимый свет,

И скорбный византийский взгляд
Владимирской земли,
И белый каменный наряд
Той церкви на Нерли.

Я, может быть, к тебе вернусь,
Как в гавань корабли,
Моя таинственная Русь,
Как церковь на Нерли.

* * *

НЕБЕСНАЯ БИТВА

Слежу за облаками
В рассветной тишине.
В небесной панораме
В безмолвной жуткой драме
Сошлись в смертельном сне
Драконы и химеры,
И рыцарь на коне.

Небесная армада
На розовых крылах
У врат закрытых Сада
Посланцев мрачных Ада
Ввергает в пыль и прах.
И всадники несутся
На взмыленных ветрах.

Разинутые пасти,
Чудовищный оскал.
Престолы, Силы, Власти
От дьявольской напасти
Воздвигли мощный вал
И огненные стрелы
Разят их наповал.

Свидетель грозной битвы,
На небе вижу крест.
В час утренней молитвы
Лучом острее бритвы
Прорезался рассвет.
А с неба тихим звоном
Струится благовест.

З А К А Т

Прощай, светило, до утра.
Растает ночи тень,
Навечно канув во вчера,
И будет новый день.

Раздвинут занавес небес,
И в миллионный раз
Природа вечный свой процесс
Готовит напоказ.

Сейчас нам будет дан закат
Во всей своей красе.
И нищий, и аристократ –
Его увидят все.

Светила золотистый шар
Окрасил небосклон.
Зацвел, заполыхал пожар,
Спектральный перезвон.

Кроваво-красною стрелой
Прошиты облака,
И апельсиновой каймой
Играют их бока.

Виденья дивные горят,
Меняясь и клубясь,
И фантастический их ряд
Плывет не торопясь.

Последние минуты дня
Густеют синевой,
Слабеет золото огня,
Спадает жар дневной.

Мерцает углями зола
Небесного костра.
Ночь, выгнув чёрные крыла,
Восходит до утра.

И фиолетовая мгла
Заволокла простор,
И звёзд полуночных игла
Свой выткала узор.

П О Л Ё Т

Воздушные потоки
меня уносят ввысь.
Прошли земные сроки,
пророчества сбылись.
Вот вровень с облаками,
захвачен, завихрён,
В воздушном океане
пылинкой растворён.
Отпало всё земное,
пребудет прах на дне,
Лишь небо голубое
в бездонной вышине.
Безбрежная свобода
и вольный взмах крыла.
Бессмертная природа
меня к себе взяла.

Ч Т О Е С Т Ь С Ч А С Т Ь Е ?

Что для вас счастье?
Кружка чая в ненастье,
Когда жутко продрог
После дальних дорог.

Летний полдень, река,
Облака в вышине,
Лёгкий шум ветерка
В золотой тишине.

Письменный стол, бумаги и книги,
Лампы настольной светящийся круг,
Бег аполлоновой лёгкой квадриги,
И озаренье, пришедшее вдруг.

Скорость летящей навстречу дороги,
Путь в неизвестность по новым местам,
Чувство свободы и лёгкой тревоги
И на пригорке открывшийся храм.

Дождь, барабанящий гулко по крыше,
Капли, ползущие вниз по стеклу.
Чайник, еще до конца не остывший.
Искра лампадки в тёмном углу.

Звон колокольный в тиши монастырской,
Солнца вечернего луч золотой,
Башен и стен хоровод богатырский,
Вечное небо и вечный покой.

Т И Ш И Н А

Лишь только тиканье часов
усугубляет тишину.
В потоке пёстрых полуснов
я медленно иду ко дну.

На дне, под толщей тишины
разлит божественный покой.
Здесь звуки мира не слышны,
здесь я наедине с собой.

В Е Ч Е Р

Мне по душе тот час вечерний,
Когда усталый кончен день,
И в душу змейкой безмятежной
Вползает сладостная лень.
Минута грёз, пустых мечтаний,
Далёкий отблеск фонаря,
Неясный вихрь воспоминаний,
Печальный лист календаря.

*** * ***

В закатном небе перья облаков.
Их потеряли розовые птицы,
Которые успели раствориться
В далекой дымке сумрачных миров.

*** * ***

Клонится солнце на запад.
В комнате полутемно.
Легкий тревожащий запах
Ветер доносит в окно.

Уличный гул затихает.
Вечер воскресного дня.
В воздухе медленно тает
Сноп золотого огня.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Ночной полет над облаками
Внизу уснувшая земля
Вздыхает, хлебными полями
Едва заметно шевеля.

И в вышине надмирной ночи
Луны таинственный фонарь
К себе приковывает очи
Как в тронном зале – государь.

Душа летит над облаками,
Объять стараясь целый мир.
А звездный хор колоколами
Наполнил звучными эфир.

Какая ночь! Какое небо!
Легко и вольно парит душа.
Земля вздыхает полями хлеба,
И длится вечность не спеша.

ТВОЙ ПУТЬ

Мы выбираем дорогу
Или дорога – нас?
Мы выбираем тревогу
И испытаний час.

Вправо, налево, прямо –
Вроде решать тебе.
Но выбор толкает упрямо
Навстречу своей судьбе.

И вот ты идешь по дороге,
Назад уже не повернуть.
И что тебя ждёт в итоге,
И чем завершится путь?

Об этом ты знать не должен,
Иначе не сможешь жить.
Иди, но будь осторожен,
Внезапно порвется нить.

Каждый твой шаг отмерен,
Взвешен твой каждый вдох.
Куда ты идти намерен?
Знает один лишь Бог.

ВСТАНЬ И ИДИ

Ты должен дойти до цели.
Дойти, доползти, суметь.
Пусть силы уже на пределе –
Всё надо преодолеть.

Что будет потом с тобою –
Это уже не вопрос.
Дойти, и любой ценою,
И пусть всё идет вразнос.

Упал, поднимайся и снова
Ты должен идти вперёд.
И было вначале слово,
Но дело за ним идет.

И чтоб воплотилось слово,
Которое ты изрёк,
Иди, нет пути иного
Кроме крутых дорог.

Н Е Б Е С Н Ы Й С В Е Т

В разрыве туч заполыхало,
И водопадом хлынул свет.
И всё земное покрывало
Вдруг засияло, засверкало,
От неба получив привет.

Луч световой скользил, касаясь
Цветов, деревьев, куполов
И всё, в момент преображаясь,
Небесным светом наполняясь,
Звучало музыкой без слов.

* * *

К р ы л ь я

О Д И Н О К А Я Д У Ш А

Души бродят неприкаянно по свету,
Чтоб найти одну единственную, эту,

Только эту, только эту, не другую,
Ту одну свою любимую родную.

Поиск может длиться долгие года,
Завести дорога может не туда.

Там ты что-нибудь, возможно, и найдёшь,
Но окажется, что всё обман и ложь.

Путь извилист, путь нелёгок и далёк.
Вдруг вдали свечи мерцает огонёк.

Я лечу, бреду, иду туда, спеша.
Может, ждёт меня там чья-нибудь душа,

Одинокая душа как, у меня,
Будто светится, мерцая и маня.

Я найду её и тихо к ней прильну.
Я нашел тебя, нашел тебя одну.

Об одном лишь только я судьбу молю,
Чтоб в ответ услышать «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ !»

ДНЕВНАЯ ЗВЕЗДА

Среди скопленья звёзд,
сверкающих в пространстве,
Свет лишь одной из них
назначен для меня.
Она мне светит
в тихом постоянстве,
От бед оберегая и храня.

Для всех других людей
звезда моя незрима,
Невидима никем и никогда,
А для меня она неугасима,
Ношу её в душе
повсюду и всегда.

Её я вижу днём
в любые непогоды,
А ночью горизонт её закрыт.

Свет той звезды
пробился через годы
И жизнь мою
любовью освятил.

И я живу, дышу
и существую,
Пока мне светит
ныне и всегда,
Сквозь пелену туманную земную,
Незримая для всех,
моя звезда.

Д А Р

Любовь нам даётся как дар драгоценный,
Как в засуху с неба дождя благодать,
Чтоб в этой стремительной жизни мгновенной
Любить и надеяться, ждать и страдать.

Ведь Бог есть любовь, и тот, кто не любит,
Тот к Богу пути никогда не узнает
И жизнь, не любя, понапрасну погубит,
И в бездне бездонной бесследно растает.

И чтобы не плакать в немой укоризне
О том, что закончил свой путь не любя,
На самом закате бессмысленной жизни
Послал мне Господь в утешенье тебя.

И Он да простит мне порыв безутешный,
Он, в тело вдохнувший бессмертную душу,
Когда я усталый, и слабый, и грешный
Одну Его заповедь в чем-то нарушу.

Я не могу тебя «не пожелать»,
Уж коли так судьба распорядилась,
Что двух путей земная благодать
На звездных картах вдруг соединилась.

И будет, возможно, то счастье безбрежным,
Коротким и ярким, как солнечный час,
Люблю тебя, ангел мой, близкий и нежный,
Люблю и страдаю, теперь и сейчас.

ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Мир может вспыхнуть и сгореть

В фонтане бурного огня.
С лица земли его стереть
Способна мощная волна.
Разверзнуться и поглотить
Мир может вечная земля.
Всё разметать и завихрить
Вольна воздушная струя.

Первооснова бытия
Стихии неба и огня,
Земли и яростной воды
Несут предчувствие беды,
И каждый этот элемент
В отдельности – источник бед.
Но только вместе, только все
В едином вечном колесе
Они способны мир спасти,
Зло мировое отвести.

Но нужен пятый элемент –
Божественный небесный свет.
До гибели – один момент.
Секунда – вечность – и конец.
Последний громкий стук сердец.
Спаси, небесный наш Отец,
И чтобы мир воскреснул вновь
Дай пятый элемент – Любовь.

Любовь спасет и сохранит,
Любовь, что крепче, чем гранит,
Любовь без края и конца
Наполнит силою сердца,
Укрыв собой весь этот мир
Размахом белоснежных крыл,
Направив ход планет, светил,
Любовь придаст огня и сил,
И жажду страсти утолит,
Прохладой нежной наградит
И жизни даст великий смысл.
Во тьме ночной издалека
Блеснёт звездою маяка,
И вся команда корабля
Воскликнет – «Впереди земля!»

Любовь – начало всех начал,
От ураганов злых причал,
Где каждый спрятаться бы мог,
Ибо Любовь – читай – есть Бог.

М О Й А Н Г Е Л

Минута ли, час ли, мгновенье
Отпущены будут судьбой
Приму их с возможным смиреньем
За радость быть рядом с тобой.

Дышу ли твоим я дыханьем,
Твоим ли согрет я теплом,
Наполнен всегда ожиданьем,
Я думаю лишь об одном.

О том, как откроются двери –
И вот восхитительный миг –
Сомненья забыв и потери,
К тебе я, мой ангел, приник.

Я пью, и никак не напиться,
Медовый напиток живой,
И миг этот вечностью длится,
Наполненный только тобой.

*** * ***

Любовь не может быть преступной,
Она во всём всегда права.
Она быть может недоступной
Как в стужу летняя трава.

Она живет во сне глубоком,
Холодной скрыта белизной,
И вдруг проснется ненароком
И всё заполонит собой.

НОЧЬ НЕЖНА

Ночь нежна. Таинственным покровом
Мир прикрыт как сказочным ковром.
Я тебя касаюсь нежным словом
Словно белым ангельским пером.

Ночь нежна. Она нежна тобою,
Запахом волнующим волос.
Я тобой любуюсь неземною,
Я к тебе припал, приник, прирос.

Я тебя ладонями касаюсь.
Я тобой как воздухом дышу.

Я в тебе бесследно растворяюсь.
Я тебя всегда в себе ношу.

Ночь нежна. И длится бесконечно
Этот миг, наполненный тобой.
Ночь нежна. Любовь всегда извечна,
Ангел мой, мой нежный и родной.

НАПОЛНЕНИЕ

Опустошенный и усталый,
Как кубок, выпитый до дна,
Я наполняюсь снова алой
Струей священного вина.

Когда исполнены желанья,
И больше не о чем мечтать,
В душе лелею упованье
Вновь чашу жизни наполнять.

Я наполняюсь вновь тобою,
Желаньем видеть и любить,
К тебе приникнуть головою
И обо всём другом забыть.

По каплям, медленно, неспешно,
За каплей капля, не спеша,
Желанием святым и грешным
Переполняется душа.

РАССТАВАНЬЕ

Я тебя обниму на прощанье,
Я к тебе на прощанье прижмусь.
Как мгновенье промчалось свиданье
И как вечность потянется грусть.

Я живу лишь от встречи до встречи,
Я тебя вижу даже во снах,
Твои волосы, руки и плечи,
И волшебные искры в глазах.

До свиданья, мой ангел, до встречи.
Это время мне надо прожить,
Слушать чьи-то бездумные речи
И о чем-то пустом говорить.

Но лишь только глаза я прикрою,
Я тебя вижу рядом с собой,
Я тебя вижу близкой такою,
Я к тебе прикасаюсь рукой.

Пальцы помнят тот отзвук касанья,
А глаза – сокровенный твой вид,
Помнят губы всю сладость дыханья,
А в ушах тихий шепот звучит.

Твои волосы глажу и плечи,
Словно весь растворяюсь в тебе.
До свиданья, мой ангел, до встречи,
Если будет угодно судьбе.

ВСЕГО ЛИШЬ

Весь мир исчезает
За гранью порога,
Когда ты, мой ангел, приходишь.
Душа оживает,
Уходит тревога
И я воскресаю, всего лишь.

Весь мир расцветает
Как майская свежесть,
Когда ты, мой ангел, приходишь.
Душа обретает
Забытую нежность
И я воскресаю, всего лишь.

И тают печали
Как клочья тумана,
Когда ты, мой ангел, приходишь.
Бесследно пропали
Химеры обмана,
И я воскресаю, всего лишь.

ГОЛОС

Мне никогда не быть уж безмятежным,
Витать свободно в вышних облаках,
Не плыть простором вольным и безбрежным,
А только в узких тесных берегах.

Идут дожди, проходят мимо годы,
И груз забот висит как тяжкий ком.

Но вдруг мелькнет за гранью непогоды
Кусочек солнца в небе голубом.

И всё преобразится в миг единый,
И расцветут внезапно все цветы,
Когда вдали услышу голос милый,
Когда «Привет!» мне скажешь тихо ты.

ЭТОТ МИГ, ЭТОТ МИР

Желанье чувствовать и жить
Во мне проснулось вновь,
На божий мир глаза открыть
И пережить любовь.

Наш Пушкин все уже сказал,
Могу лишь повторить:
Мгновений чудных час настал,
И значит, стоит жить.

Ах, Александр Сергеевич, Вы
Сказали напрямик,
Что счастья нет (Вы здесь правы),
А есть лишь чудный миг.

За этот миг, за этот вихрь,
За эту благодать,
За божий храм, за этот мир
Не жалко жизнь отдать.

Я ВЕРНУСЬ

Когда придет пора покинуть этот свет
И навсегда с тобою распрощаться,
Совсем я не уйду, останется мой след,
И в тайных снах к тебе я буду возвращаться.

Из зазеркалья замкнутых миров,
Из глубины другого мирозданья
Как эхо долетит мой тихий зов,
И я к тебе вернусь в воспоминаньях.

П Е С Н Ь П Е С Н Е Й

Подкрепите меня ароматным вином,
Освежите меня яблонь спелым плодом,
Ибо я от любви изнемог до ногтей,
Ибо я восхищен красотою твоей.

Как мила ты и прекрасна, о любимая моя.
В чаше круглой не иссякнет ароматная струя.
Твой язык благоухает чистым мёдом с молоком,
Твои ласки не сравнятся с опьяняющим вином.

Я напьюсь из уст любимых мёда вместе с молоком,
Я упьюсь твоим прекрасным ароматнейшим вином.
Два сосца твои как двойни, двойни серны молодой,
Как они трепещут оба под ласкающей рукой.

Твои груди так налиты словно грозди винограда,
В них божественная влага, и вечерняя прохлада.
Твоё чрево словно ворох золотой пшеницы спелой,
Словно темная поляна посреди долины белой.

Как чиста ты, голубица, как свежа и хороша,
Как к тебе моя стремится пробужденная душа.
Положи меня на сердце как заветную печать,
Я хочу твоим быть перстнем, чтобы руки обнимать.

Под рукой моею левой голова твоя с кудрями,
Запах яблоков румяных источается ноздрями,
А другой рукою, правой, всю тебя я обнимаю
И к устам твоим медовым упоённо припадаю.

По ночам душа стремится отыскать того кто любит,
Чтобы с ним соединится, с тем, кого безмерно любит.
Сон меня одолевает, только сердце сна не знает,
Сердце бодрствует на страже, о возлюбленной мечтает.

Не зальют большие воды пламя сильное любви,
Ведь любви сильнее нету, как её не назови.
Водам рек и водопадов жар любви не одолеть,
Ведь любовь неодолима и крепка она как смерть.
И пока живут здесь люди - пламени любви гореть.
Было так всегда доныне и всегда так будет впредь.

СЛАДКИЕ СЛЕЗЫ

Как сладко плакать на твоей груди,
Найдя в тебе покой и утешенье,
Поняв, что боль разлуки позади
Как страшный сон, ночное наваждение.

И плакать не боясь и не стыдясь,
Навзрыд, взахлеб, как чистый плач младенца,
К тебе приникнув, вжавшись, растворясь,
И слушая твое биенье сердца.

ВОЛНА

Ты волшебна, как скрипка,
Как струна Страдивари.

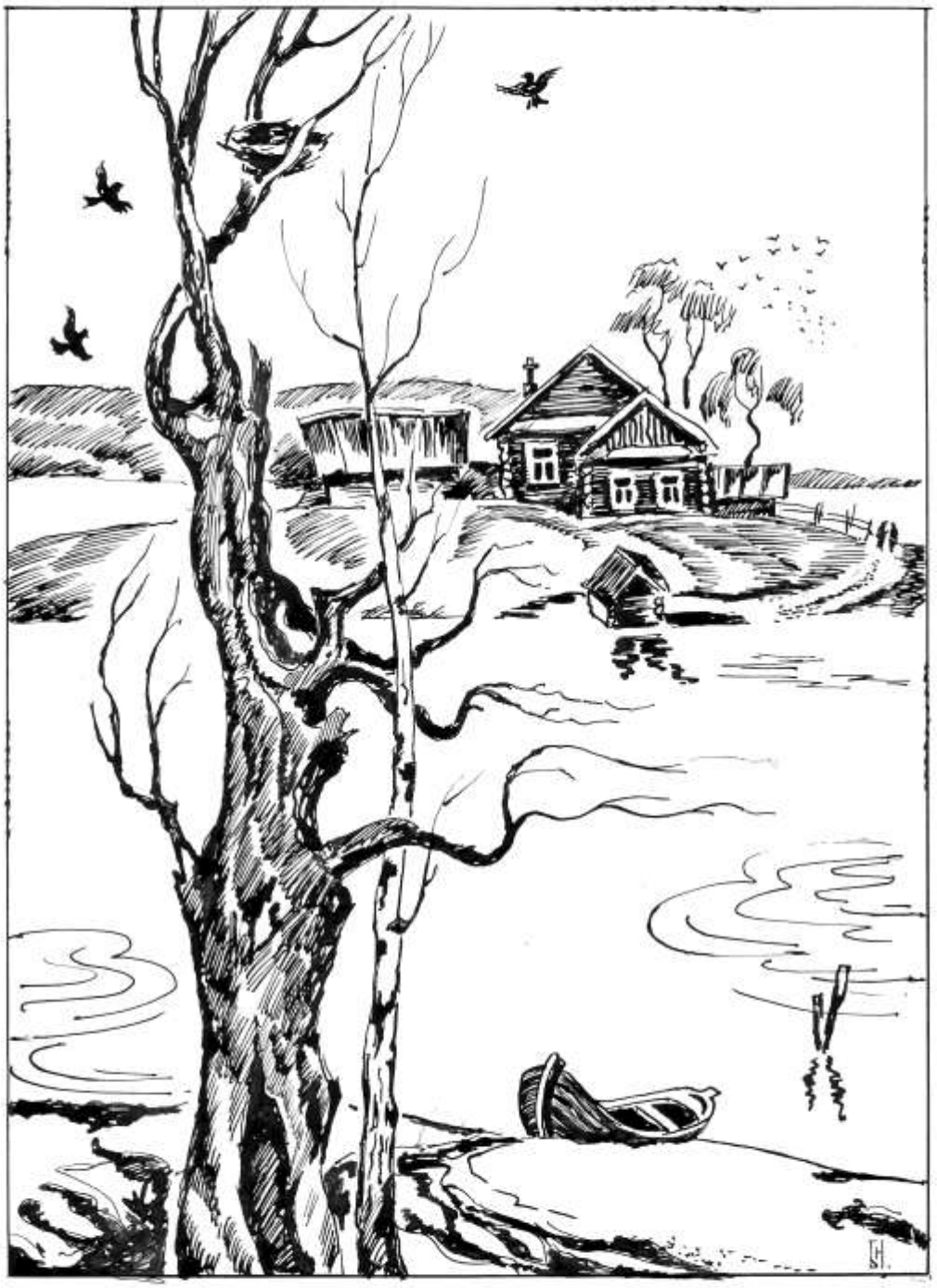
Нежный взгляд и улыбка
В сердце вдруг зазвучали.

Я мелодии дивной
Отдаюсь в упоеньи,

И волною приливной
Нарастает мгновенье.

* * *

Времена жизни



К О Л Ы Б Е Л Ь Н А Я

А солнце, зевнув, укатилось за море
И ветер отправился спать.
Ты спи, моя радость, ты спи, моё горе,
Ложись поскорее в кровать.

И пусть тебе снятся прекрасные сказки
В хрустальной ночной тишине.
Твой сон сберегу, засыпай без опаски
И мне улыбайся во сне.

Малыш мой чудесный, малыш мой прекрасный,
Как славно с тобой нам вдвоём.
Пусть ночь твоя будет всегда безопасной,
А солнце пусть светит нам днем.

К О Л Ы Б Е Л Ь Н А Я – 2

Длинный день уже окончен,
Ночь глядит в окно.
Спи, мой маленький цветочек,
Спать пора давно.

Вся природа засыпает,
Смотрит сладкий сон,
Даже ветер затихает,
Хочет спать и он.

Птицы спят в гнезде уютном,
Белки спят в дупле,
Лес застыл во сне дремотном,
Мир на всей земле.

Над полями, над лугами
Лишь луна не спит
И волшебными лучами
Землю серебрит.

Да часы стучат устало,
Им нельзя дремать.
Ну а нам с тобой настало
Время отдыхать.

Засыпай, моя малышка,
Птенчик мой родной.
Пусть тебе приснится мишка,
Добрый и смешной.

Вместе с ним в лугах цветущих
Будешь ты гулять,
На цветах, во сне растущих,
Свой венок сплетать.

В тех лугах цветы и травы
Весело звенят.
Ждут вас игры и забавы
Сон за сном подряд.

Сон-трава распространяет
Нежный аромат,
Лёгким звоном навевает
Сон для всех ребят.

Крепко спи, моя отрада,
Слушай сон-траву.
Я всегда с тобою рядом –
В снах и наяву.

Пусть прекрасной, безмятежной
Будет жизнь твоя.
Засыпай, мой ангел нежный,
Ласточка моя.

Быстро ночь с небес сотрется,
Солнышко взойдёт.
Снова день нам улыбнётся,
Новый день забот.

Много дней вдвоем с тобою
Нам ещё встречать.
Дай, теплей тебя укрою.
Спать, малышка, спать.

Последний день зимы

Прощай, зима, прощай, февраль,
Прощай без сожаленья.
Трепещет снежная вуаль
Последние мгновенья.

Зима закончила свой бег,
Её черед уйти.
Пусть заберет с собой свой снег,
Освободит пути.

Я сыт по горло зимней тьмой,
Мне надоела мгла.

Закован коркой ледяной,
Жду света и тепла.

И вот из предрассветной тьмы
Выходит к нам на старт
На финише седой зимы
Румяный месяц март.

Промыто небо как стекло
До дна голубизны,
Вокруг просторно и светло
В мой первый день весны.

Желанье пробуждает жить,
Испытывать азарт,
Летать, безумствовать, любить
Так долго жданный март.

А П Р Е Л Ь

Ужель

Зиме конец,
И наступил апрель,
Прозрачный словно акварель,
И бог любви,
Голубоглазый Лель,
Достав заветную свирель,
К губам поднёс
И вывел трепетную трель,
И неба синяя купель
Наполнилась вином до края,
И воздуха прозрачный хмель,
Наполненный Бог знает чем,
Донёс дыханье рая.
Берёз раздетых карусель
Кружится в перелеске.
Апрель, апрель, уже апрель
Во всём священном блеске.

М А Й С К И Й В Е Ч Е Р

Верхушки тополей позолотил закат.
В аллее соловей выделывал рулады,
И на цветущий яблоневый сад
Ложилась тень вечерняя прохлады.

Густела постепенно неба синева,
Перебирал тихонько листья ветер.

От запаха цветов кружилась голова,
И длился, длился тихий майский вечер.

МАЙСКАЯ ГРОЗА

Разве это не чудеса –
Свежевымытые небеса?

Прогремела гроза, и вот
Ослепительно чист небосвод.

Солнце, солнышко, ясный день,
Добродушное, как тюлень.

Мокры крыши, асфальт и газон,
Воздух свеж, как сосновый озон.

Как легко и свободно дышать,
Майский полдень пьянящий вкушать!

И захочется плакать и жить,
И Создателя благодарить

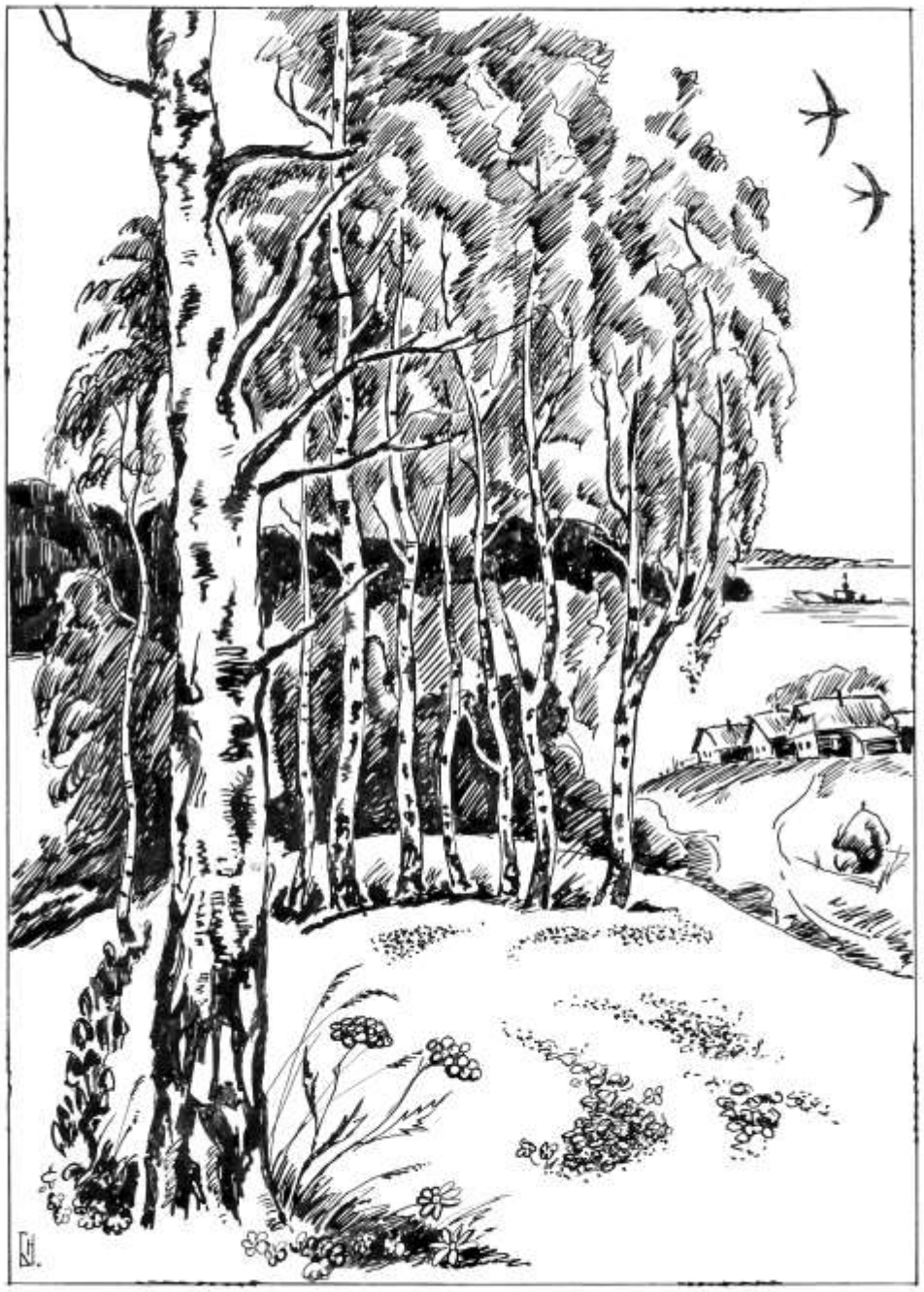
П Р О Щ А Н И Е С М А Е М

Ослепительный день,
Ширь небес голубая.
Доцветает сирень
В дни последние мая.

До свиданья, мой май,
Время радостной лени.
Соловьиный мой край
С островами сирени.

Как я рад был напиться
Из твоих родников,
В синеве заблудиться
Меж твоих облаков.

Малахит с бирюзою,
Мой изменчивый май,
Я прощаюсь с тобою,
До свиданья, прощай…



И Ю Н Ь

Последний посвист соловьев еще ласкает слух,
Парит над городом пургой и вьётся лёгкий пух,
И этот пух лежит везде, везде, куда ни плюнь.
Всё это значит, что уже пришел, настал июнь.

Как часто зимнею порой я о тебе мечтал,
И ты, Июнь, ко мне пришел, и ты, Июнь, настал.
Скорей же распахни окно и пух с ладони сдунь,
Хмельной, как новое вино, ворвись в мой дом, Июнь.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Смолкла моя певунья
И улетела прочь.
Двадцать второе июня,
Самая быстрая ночь.

Лето уже в зените,
Бьются еще сердца,
Будут еще открытья,
Но это – начало конца.

Лето уходит по каплям,
Лету отмерен срок.
Скоро конец антракта,
Первый уже звонок.

Но небеса синеют
И облака плывут,
Травы еще зеленеют,
Птицы еще поют.

Легкая тень печали,
Облаком тихим грусть.
Вспомнятся летние дали
Словно стихи наизусть.

Вспомнятся те поляны,
Вспомнится та река,
Утренние туманы
И в вышине облака.

Лето, о дай мне силы,
Чтобы судьбу превозмочь,
Чтобы их мне хватило
На самую длинную ночь.

ДЕНЬ ИВАНА КУПАЛА

Был летний день, был день Иван Купала,
И солнце двигалось по небу не спеша,
И словно птица пела и играла,
Парила в небесах и трепетала,
Рвалась от счастья или замирала
В тот летний день, в тот день моя душа.

Я был с тобой, я был с тобою рядом,
Любовь великая мне придавала сил.
Я умирал, я воскресал и падал,
Все семь небес вдруг отворились разом
И хлынул свет искристым водопадом.
Мой ангел, как же я тебя любил.

А В Г У С Т

Август. Скоро Успенье.
Небо роняет слезу.
Матушка варит варенье
В старом большом тазу.

Спелые сизые сливы,
Лета последний дар
Так безнадежно красивы,
Свой отдают нектар.

Матушка в банку сложит
Свежий густой отвар.
Зимней порой, быть может,
Откроем мы летний жар.

Дай тебе Бог терпенья.
Ежели мы доживём,
Будем пить чай с вареньем
На кухне с тобой вдвоём.

В зимний денек унылый
Продолжим по жизни плыть.
Господи, дашь ли нам силы
До нового лета дожить?

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Постелите мне кровать
в чистом поле.
Я сегодня буду спать
там, на воле.
Будут вместо потолка
надо мною
В синем небе облака
чередою.
Стены в комнате давно
ждут ремонта.
В чистом поле полотно
горизонта.
На небесном полотне
синеватом
Вспыхнут краски как в огне
в час заката.
В небе звёздная река
заискрится
И на крыльях ветерка
ночь спустится.
Принесёт мне ветерок
к изголовью
Снов заветных узелок,
да с любовью.
Ночью травы и цветы
ароматны.
В чистом поле сны просты
и приятны.

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Последний летний день,
Прощальная улыбка.
Последний летний звук,
Но лету нет конца.

Скользит по травам тень,
В саду играет скрипка
И спелых яблок стук
Чуть слышен у крыльца.

Последний летний день,
Оттенок лёгкой грусти,
Последний летний миг
На солнечных часах.

Рубиновая зернь,
Смородиновый кустик,
И солнца нежный блик
Искрится в волосах.

Последний летний день
Звучит не утихая.
Последний летний сон
Без края и конца.

И ветхая ступень
Ведет в преддверье рая,
Где бьются в унисон
Влюбленные сердца.

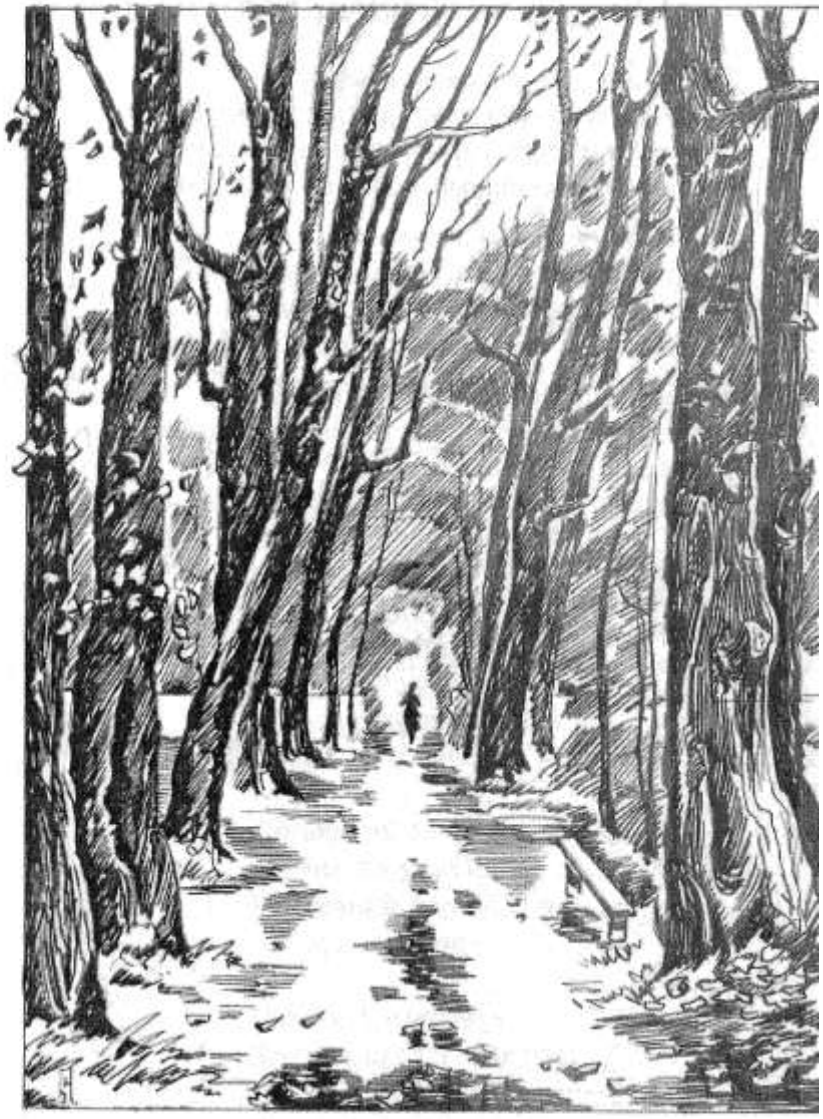
ДАРЫ ВРЕМЁН

Всё золото осени к вашим ногам
С лёгким шорохом ляжет и тихим смиреньем.
Принимайте, владейте на зависть богам
Золотым и роскошным осенним мгновеньем.

Вам всю россыпь алмазов раскинет зима
И украсит вас ярким морозным румянцем,
Ледяные построит дворцы и дома
И одарит вас снежным искрящимся танцем

А весна-бирюза опьянит вас вином,
Напитает вам душу счастливым томленьем,
И раскинется неба бездонным шатром,
И ваш сад соловьиным наполнится пеньем.

Только это пролог, увертюра времён
К ослепительно жаркому светлому лету.
Только в лето я страстно и пылко влюблён
И прекрасней времён для меня больше нету.



О С Е Н Ь

Каждый день – как подарок,
Каждый час – как алмаз.
Солнца слабый огарок
Тихо радует нас.

На пороге заката,
В двух шагах от ночи
Сердце сжала утрата
Догоревшей свечи.

День угас как лампада
Перед ликом небес.
В тихий час листопада
Я однажды исчез.

З А П А Х В Р Е М Е Н И

Помнится, вдыхали, помнится, любили
Аромат домашний с запахом ванили.

Первыми друзьями в детстве книги были.
Полки фолиантов, запах книжной пыли.

Море, как младенец спит, не зная горя.
Вольное дыханье, вольный запах моря.

Запах пробужденья, аромат сосны.
Головокруженье, пьяный дух весны.

Лето безмятежное, стол в углу веранды.
Время сладко-нежное с запахом лаванды.

Покосился домик, завалился набок.
Сад благоухает ароматом яблок.

Пожелтели листья, по воде уплыли,
Оставляя запах лёгкой свежей гнили.

А теперь не знаю по какой причине
Полюбил я горький аромат полыни.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ

Пожелтели, облетели, опустели тополя.
Остывает, засыпает наша матушка-земля.

По утрам земля покрыта серебристой сединой.
Стылый ветер гонит листья по пустынной мостовой.

Поднялись с прощальным криком, улетели журавли.
Удалился, растворился журавлиный клин вдали.

Дождь ненастный, дождь несчастный сиротливо моросит.
Город словно пёс побитый опечаленно глядит.

Мокнут улицы, машины, мокнут люди и дома.
С каждым днём всё ближе, ближе приближается зима.

З И М А

Снова снежные метели
Закружились, засвистели.
Снова снежная игла
Сердце холодом прожгла.

Тихо, сумрачно, уныло
Мерно капает вода.
По земле метель завыла
И от лета – ни следа.

Холодно, холодно, холодно,
Время замедлило бег.
Вместо осеннего золота
Белый безжизненный снег.

З И М О В Ь Е

По крышу снегом занесло
Мой старый ветхий дом.
Вчера здесь дерево росло,
А ныне снежный ком.

Всё пеленой заволокло,
Холодной белизной.
Задрапировано стекло
Пушистой бахромой.

А у меня в избе тепло,
Закрыта плотно дверь.
Пусть завывает ветер зло
И буйствует метель.

Свечи трепещет язычок,
В печи трещат дрова.
В углу пиликает сверчок.
. Под снегом спит трава.

. Я не покину этот дом
Пока зима как зверь.
Лишь с первым ласковым теплом
В весну открою дверь.

ДОНЫШКО ГОДА

Похудел календарь,
Только два листочка.
Послезавтра – январь.
Год уходит. Точка.

Год уходит навсегда,
Больше не вернётся.
Год исчезнет. Но тогда
Что же остается?

Письма, встречи, города…
В памяти всё зыбко.
Только лето навсегда
И твоя улыбка.

В Ы Б О Р

Проблема выбора
Встаёт иногда.
Ты должен сказать «Нет».
Или сказать «Да».

От этого зависит
Дальнейший путь.
Нельзя отмолчаться,
Нельзя увильнуть.
На раздумье секунда,
И то не всегда.
Ты должен сказать «Нет».
Или сказать «Да».

Пути разойдутся
По этой судьбе,
Уже не вернуться
Ни мне, ни тебе.
Сверкнет и потухнет
На небе звезда.
Ты должен сказать «Нет».
Или сказать «Да».

Колотится сердце
Как птица в груди,
Ещё секунду
Продли, погоди.
Но перерастают
Секунды в года.
Ты должен сказать «Нет».
Или сказать «Да».

И выбор падает
Словно меч,
Он рубит границу
Прощаний и встреч.
И крутится вихрем
В воронке вода,
И прошлое тает
Совсем, навсегда.

Ты сделал свой выбор,
Ты дал свой ответ.
Сказал своё «ДА!»
А может быть,
может быть,
может быть
«НЕТ!»

У Т Р О И В Е Ч Е Р

«И был вечер, и было утро…»
Бытие, гл.1

Тихо, незаметно начался рассвет.
Ночи бесконечной растворился след.

Тени исчезают из глухих углов,
Плавно улетают вереницы снов.

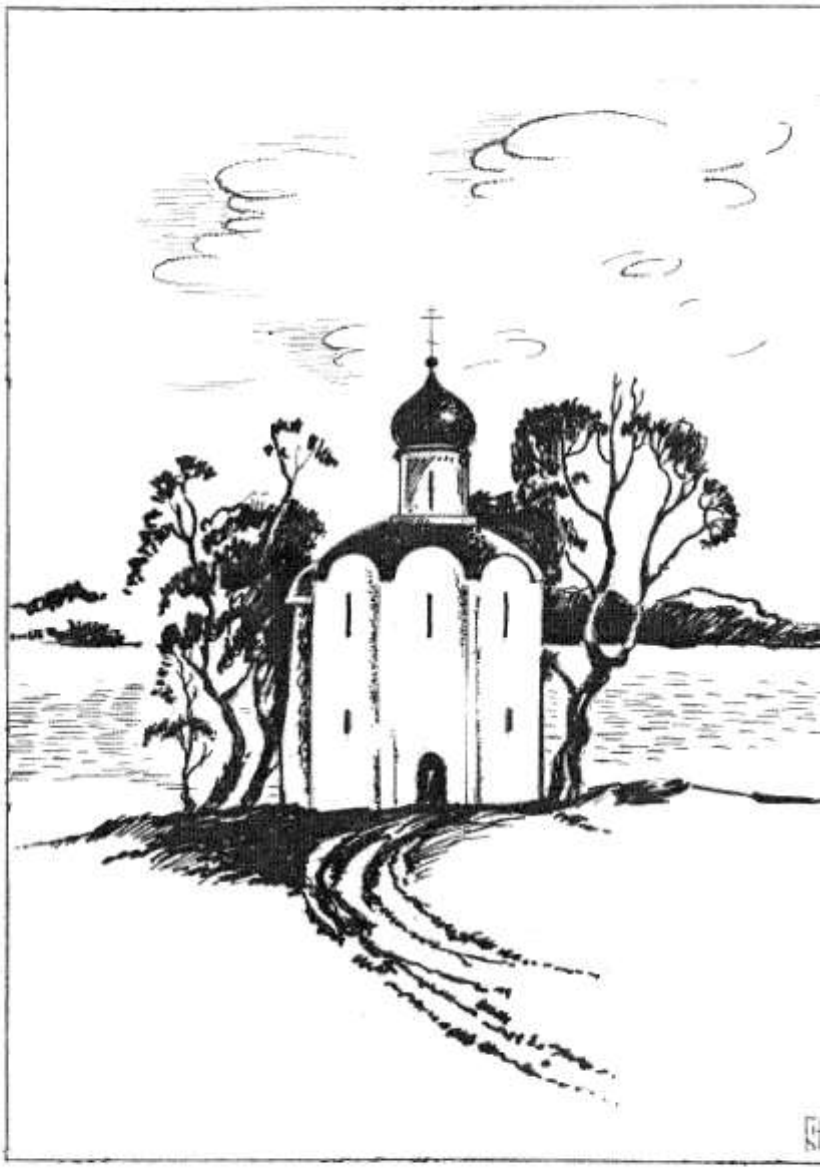
Вижу в небе новую ясную зарю
И за это, Господи, Тебя благодарю.

День в трудах и горестях пролетит как миг.
Был я утром юношей, к вечеру старик.

Тихо день кончается и уходит прочь,
Снова приближается и вползает ночь.

Слышу отдалённый навечерний звон.
О пошли мне, Господи, благодатный сон.
*** * ***

П а м я т ь



ЗАБЫТЬ И ПОМНИТЬ

Забвенья не даёт мне Бог,
И память всё хранит.
То, что давно забыть бы мог
Мне душу бередит.

Забыть, стереть, испепелить
Минуту слабости душевной,
Порвать связующую нить
Бесцельной боли многодневной.

Забыть угар ненужных встреч,
Забыть сомнений тайных муку,
Обидой жгучей пренебречь,
Забыть не поданную руку.

Оставить тихую печаль,
Несостоявшуюся встречу,
Заката нежную эмаль,
Судьбы начальную предтечу.

Оставить ласковый прибой,
Волны ленивое касанье,
Минуту нежности с тобой
И сладкий миг очарованья.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Уходят певцы, остаются их песни,
И голос, их голос живёт.
Назло всем смертям снова песня воскреснет
И голос знакомый споёт.

Ах, друг мой, товарищ, собрат и ровесник,
Я слушаю песню твою.
Гитара гремит, и взрывается песня
Гранатой в последнем бою.

Вращается диск, тридцать три оборота,
И старый динамик хрипит.
В последний прорыв поднимается рота,
Земля под ногами горит.

Я ранен навылет, я к полю прижался,
Осколок мой бег оборвал.
Я вместе с солдатом и жил, и сражался,
И вместе в атаку бежал.

Такого накала, такой перегрузки
Не каждый осилит мотор.
Он жил откровенно и прямо, по-русски,
Лавиной, сошедшею с гор.

Полёт на исходе, немного осталось,
Он штопором входит в жнивьё.
Разбилось на части и всем нам досталось
Горячее сердце твоё.

Окончился диск, и игла прочертила
Царапину в сердце моём.
И жизнь прозвучала с надрывною силой,
Пока мы поём – мы живём!

С О Р О К Д Н Е Й

Она ушла в таинственную дверь,
Откуда нет возврата.
В ряду безвременных потерь
Ещё одна утрата.

Не отражают зеркала
Тень силуэта.
В печальном сумраке стекла
Полоска света.

Нервозный аромат духов
На дне флакона –
Воспоминанье смутных снов
Как эхо стона.

Тетрадь забытая стихов
Как листьев ворох,
Обрывки фраз, осколки слов,
Неясный шорох.

Смолкает эхо бытия,
Звучит, стихая,
Уходит жизнь за те края,
Где нету края.

Лишь сорок дней душе дают
Побыть у дома,
Запомнить свой родной приют,
Где всё знакомо.

Порою вдруг в ночной тиши
Как бы приснится
Присутствие её души,
И скрипнет половица.

И колокольчик вздрогнет вдруг
От лёгкого касанья,
И по стеклу чуть слышный стук,
Последний знак вниманья.

Растаял в бездне силуэт,
В густом оттенке.
Лишь твой прижизненный портрет
Висит на стенке.

П Л А Ч О Г О Р О Д Е М О Л О Г А

Под водой старинный град Молога.
Под водой дома, мосты, дорога,
Что вела к извилистой реке,
И собор старинный вдалеке.
Под водой кресты и купола,
Кладбище и старая ветла,
Что росла у дедовской могилы,
У могилы дедушки Данилы.
На крестах размыты имена,
Всё покрыла тлена пелена.
Под водой пасхальный перезвон,
Шум толпы, весенний грай ворон.
Здесь гулял на ярмарке народ,
А теперь над ним зерцало вод.
Плачут чайки над Мологой на волне.
Древний город пребывает в глубине.
Скрылось солнце на закате под водой,
Под водой сияет месяц молодой.
Тихо спит Молога вечным сном.
Месяц светит ясным серебром.
Не заплачет вдруг младенец в тишине,
Дверь не скрипнет в том волшебном сне.
«Тихо, тихо, мой малыш, усни,
Только мы с тобой не спим одни.
Завтра снова божий день взойдёт опять,
Мы пойдём с тобой по травушке гулять.
Спи, малыш, мой мальчик золотой,
Спи, малыш, под вечною водой.

С О Л О В К И

Над Белым морем стоит антициклон.
На Соловках прекрасная погода.
Кресты церквей вонзились в небосклон,
И лёгкий бриз доносит запах йода.

Расплавленное солнце в вышине
Висит как негасимая лампада,
И в странной нереальной тишине
Плывёт над морем древняя громада.

Застыло время грудой валунов,
И камни взгромоздились друг на друга
Как будто ветер древних вещих снов
Собрал здесь мощь всего земного круга.

Покой и вечность, как антициклон,
Нависли над святыми островами,
И вечным эхом длится вечный стон
Над древними стенами и церквами.

Ж И Л - Б Ы Л П О Э Т

Жил-был поэт.
И вот его нет.
Остались листочки,
Короткие строчки,
Клочки и обрывки,
От сердца отрывки.
Бумажные крылья
Подёрнулись пылью.
Замолкли молитвы,
Окончены битвы,
Оплавлены свечи.
Ты был, человече?
И пробил час «ноль»,
И утишилась боль.
Только чайки кричали
В неутешной печали.
Тёплый дождик пролился,
Лист осенний кружился.
Долго-долго кружился,
Наконец опустился.
И в положенный час
Снова ночь началась,
И забрезжил рассвет.
Но тебя больше нет.

*** * ***

Осыпались тюльпаны, завяли гиацинты.
Неужто завершился медовый месяц май?
Рассыпались на атомы крылатые моменты
Нечаянно, негаданно, нежданно, невзначай.
Из тех безмолвных атомов
воздвигся пик Молчания,

Ров вырыт Отчуждения,
такой глубокий ров,
А в нём ручей Отчаянья, поток Недоумения,
Трясина Отвращения, трава болиголов.

* * *

ЖИЗНЬ ТУЛУЗ-ЛОТРЕКА

Анри Раймон Тулуз-Лотрек
Был очень странный человек.
Несчастный случай с ним случился –
Он в детстве с лестницы свалился,
Он в детстве с лестницы упал
И потому был ростом мал.
Но вот, хотя был ростом мал,
Он толк в искусстве понимал.
Он был художником от Бога,
Хотя прожил совсем немного.
При этом он безбожно пил,
Вот лет немного и прожил.
А также женщин он любил,
В борделях месяцами жил.
Был завсегдатай ресторанов,
Театров и кафешантанов.
Но был всегда с ним карандаш,
Пастель, бумага и гуашь.
О, мон Пари! О, Монпарнас!
Красотки просто высший класс.
И Пляс Пигаль, и Мулен Руж
Капкан для неокрепших душ.
Готов захлопнуться капкан,
Зато каков, каков канкан!
Водоворот, круженье, визг
И водопад шампанских брызг.
Танцуют все, все – от и до.
Струя багровая бордо…
Да я уже изрядно пьян.
Ну так еще один стакан.
Один стакан не повредит.
Ах, у неё прелестный вид.
Скорее, где мой карандаш…
Какой пленительный типаж,
Какая линия, изгиб…
Ну, всё, я кажется погиб,
Я, кажется, иду ко дну.
Гарсон, бордо, еще одну…
В руке порхает карандаш,
Изгиб, движенье, антураж.
Элен, и Джейн, и Ла Гулю,

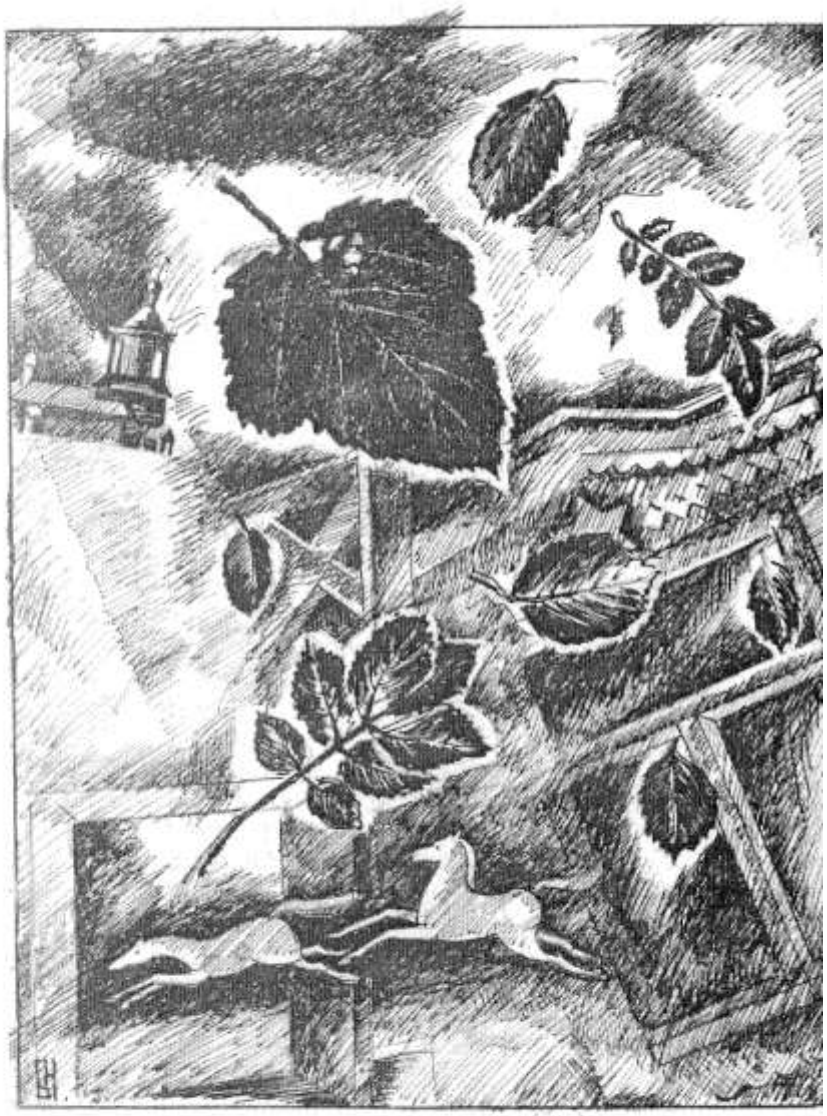
Я всех вас, кажется, люблю.
Иветт Гильбер, змеиный взгляд,
Улыбка источает яд.

Тулуз-Лотрек был всё же граф
И потому всегда был прав.
Остёр язык и карандаш,
Всегда готов на эпатаж.
Ни дня без линии, штриха,
И жизнь не так уж и плоха.
Но бурной жизни той накал,
Он организм его сжигал.
Анри серьёзно заболел
И оказался не у дел.
Рубеж фатальной цифры лет
Не суждено преодолеть.
Ах, тридцать семь, да, тридцать семь,
Он молодой еще совсем,
Ушел от нас во цвете лет,
Он был художник и поэт.
…….
Стояла осень на дворе,
Анри родился в ноябре.
В ту ночь, как он открыл глаза,
Гремела бурная гроза.
И вот, когда он уходил,
Для жизни не осталось сил,
И он навек закрыл глаза
Опять по небу шла гроза,
Опять рыдали небеса,
Звучали чьи-то голоса…

Прости, Анри, прощай, Анри,
Уже погасли фонари.
Земной фонарь уже угас,
Нас ждёт небесный Монпарнас.

*** * ***

П е ч а л ь



ВЕЧНАЯ ПЕЧАЛЬ

Исчерпалась жизнь до донышка,
До остатка серых дней.
Ох ты, доля моя, долюшка,
Ты печаль мою развей.

Я стакан налью до краешка,
Утоплю печаль в вине.
Пусть она тяжелым камешком
Полежит пока на дне.

Выпью чашу очень бережно.
Загляну на дно в хрусталь
И увижу там по-прежнему
Свою вечную печаль.

Видно, быть нам неразлучными
До последних наших дней.
Ты печаль моя плакучая
Мне вина опять налей.

*** * ***

В тиши звенящей кабинета,
На стол поникнув головой,
В кругу безжизненного света
Тяжелой скован дремотой.

Как трудно жить – для всех не новость,
Банальна мысль и скучен стих.
За окнами – зимы суровость.
Мир затаился и притих.

Пришла пора холодной прозы,
Ушла пора веселых встреч.
Над миром властвуют морозы
И хлещет снежная картечь.

УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ

Утоли моя печали,
Мать Пречистая Христа,
Чтобы больше не звучали
На душе её уста.

Чтобы горькие печали
Переполненной души
Хоть на время замолчали,
Чтобы мне побыть в тиши.

Чтобы слёзы не душили
И тревога не росла,
Чтобы все здоровы были,
Дай покоя и тепла,

Чтобы радовало утро
И грядущий новый день
Был заполнен поминутно
Чередой полезных дел.

Утоли моя печали
Каплей красного вина
В их истоке и начале,
Чтобы жизнь была полна.

СКОРБНАЯ ЭЛЕГИЯ

Разворошив сундук воспоминаний,
Из груды дней и сбывшихся мечтаний
Выуживаю яркие моменты,
Ушедших дней счастливые фрагменты.

Дорожка памяти плетётся прихотливо,
И прошлое не умерло, но живо.
Я заново его переживаю
И горький мёд забытых дней глотаю.

Всё так же Солнце движется по небу,
И ветер шелестит по зреющему хлебу,
Всё так же волны бьются за кормой,
И только я уже совсем другой.

Раздавленный, расплющенный судьбою,
Тащу остаток дней, борясь с самим собою.
…Садится Солнце медленно и плавно,
И недалёк тот день, Последний, Главный.

На черном небе вспыхнут звёзд соборы,
Затихнут голоса, утихнут речи, споры,
И тишина накроет мир уставший,
Работавший, стрелявший и игравший.

И сонмы снов – тяжелых, вещих, сладких
Опустятся с небес на крыльях мягких.
Кому-то приоткроют Тайны полог,
Которую не вычислит астролог.

Кому-то грёзы лёгкие навеют,
И те, проснувшись, об одном жалеют,
Что сон прервался, улетел бесследно,
И снова всё вокруг уныло, грязно, бледно.

А чью-то душу тяжкий бред терзает,
Душа трепещет, стонет, умирает,
В тенетах бьётся пойманною птицей,
И пот холодный по вискам струится.

И этой ночью, тихой и прекрасной,
Одна из звёзд сверкнула и погасла,
Перстом небес оставив след в эфире
По направленью от Кентавра к Лире.

Одна душа от тела отделилась
И в дальний путь среди миров пустилась.
Дай, Боже, вечного покоя ей
И приюти в свой звёздный Эмпирей.
……..
А мир сиял, сверкал, переливался,
А вечный мир незыблемым казался.
Росли деревья, набирая силы,
На кладбище, в ограде у могилы.

* * *

Кончается всё, даже декабрь
И самая длинная ночь.
Печальная бледность и серая хмарь
Когда-нибудь скроются прочь.

Кончается всё, даже жизненный путь
Когда-нибудь кончится вдруг.
Усталой душе пора отдохнуть
От сладостных жизненных мук.

* * *

Л Ю Б О В Ь И П Е Ч А Л Ь

Матушка Надежда, стол нам приготовь,
К нам сегодня в гости тётушка Любовь.

Выставляй напитки, ничего не жаль.
С нею и сестрица, тётушка Печаль.

Заскрипит под тяжестью в горнице доска,
С ними к нам заглянет бабушка Тоска.

Будем мы душевные речи говорить
И вино душистое будем вместе пить.

Захмелею быстро я, уж не обессудь,
И к Печали тётушке я склонюсь на грудь.

И поправив черную шёлковую шаль,
Песню задушевную нам споёт Печаль.

И с Любовью-тётушкой обнявшись вдвоём
Мы Печали-тётушке дружно подпоём.

Матушка Надежда, ты не забывай,
Влагу золотистую в чаши подливай.

Чтобы я не делал, ты не прекословь.
Пусть меня целует тётушка Любовь.

Как она умеет в губы целовать,
Как она умеет нас околдовать.

Обнимать и миловать, речи говорить,
Как она умеет горячо любить.

Позабыв про тётушек, про Тоску-Печаль,
Унесусь я чувствами в неземную даль.

На седьмое небо, в райский эмпирей
Из каморки крохотной на простор полей.

Покрутив задумчиво пальцем у виска,
Удалится грузная бабушка Тоска.

Лишь Печаль останется, захмелев сполна.
Будет спать до вечера в уголке она.

И уйдёт усталая тётушка Любовь,
И к Надежде-матушке возвращусь я вновь.

Ночь спустилась тёмная, время почивать.
Постели мне, матушка, мягкую кровать.

*** * ***

Что может быть печальней
Осеннего дождя?
Что может быть реальней
Железного гвоздя?

Гвоздем пробиты руки,
Пригвождены к кресту,
И час предсмертной муки
Дано испить Христу.

Что делать в час осенний,
От боли чуть дыша,
Когда гвоздем сомнений
Пригвождена душа…

Закат предвестник ночи,
Кровавит горизонт,
Дорога все короче,
Все медленней, и вот –

Зажглась звезда Антарес,
Вступила ночь в права
И «мене, текел, фарес»
Уже видны слова.

*** * ***

Пасмурно, стыло, уныло –
Осень вступает в права.
Лето, неужто ты было?
Плыло, бежало, бурлило,
Светом своим золотило
Реки, луга, острова?

Счастье, неужто ты было?
Ночи в горячем бреду?
Пело, играло, любило,
Царские встречи дарило
И, наконец, наградило
Тихим покоем в саду?

Жизнь, ты была в самом деле
Яркою вспышкой в ночи?
Дни и минуты летели,
Иволги в роще отпели,
Реки давно обмелели
И превратились в ручьи…

*** * ***

Любовь имеет свойство уходить,
Кончаться, исчезать и растворяться.
Как птице в поднебесье не парить,
Приходится на землю возвращаться.

А что земля? Неужто так плоха,
Что надобно скорбеть и слезы лить напрасно?
Любовь небесная – та требует стиха,
Любовь земная прозой быть согласна.

Невыразимое мгновенье!
Слепого счастья сладкий миг1
И ангелов небесных пенье,
И из груди – смертельный крик.

Ничто не длится бесконечно,
Всему положен быть предел.
Любовь прекрасная беспечна
И не выносит скучных дел.

АВЕРС И РЕВЕРС

Ты наслаждаешься природой,
Картиной дивного заката.
А завтра – ждет тебя расплата.

Вот час и день, когда свободой
Твоя душа сполна объята.
А завтра – ждет тебя расплата.

Ты встретил нежную подругу,
Судьба подарками богата.
Но завтра – ждет тебя расплата.

Ночь бесконечна, вечность сжата,
Постель горячая измята.
А завтра – ждет тебя расплата.

Со старым другом длится встреча.
И речь легка, замысловата.
А завтра – ждет тебя расплата.

Вино течет струею красной,
Полны бокалы аромата.
А завтра – ждет тебя расплата.

Ты жил, и думал, поклонялся
Тому, что верил, что было свято.
Но завтра – ждет тебя расплата.

И жизнь закончится на вдохе,
Уже близка вторая дата.
А завтра – ждет тебя расплата.

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ РОМАНС

Ты мой последний в жизни шанс,
Других не будет.
Судьба, прощальный спев романс,
Меня забудет.

Я бьюсь как муха о стекло,
А толку мало.
Ни там, ни тут не повезло
И жизнь пропала.

А выход рядом, может быть,
Совсем под боком –
Все беды грешные забыть
Во сне глубоком.

Тот сон без края и конца –
Сама беспечность.
Романс закончен, и певца
Уносит вечность…

*** * ***

Я предаюсь печали,
Оставив все дела.
Замолкли, отзвучали
Мои колокола.

Гул медленно стихает
В звенящей тишине,
С печалью оставляет
Меня наедине.

Вот мы вдвоем с печалью
Придвинулись к столу,
А небо черной шалью
Застыло на полу.

По окнам дождь стекает,
Снег, ветер – всё равно.
Печаль мне наливает
Янтарное вино.

Прекрасное мгновенье,
Великолепный вид.
Вот здесь твое спасенье, -
Печаль мне говорит.

В нем сила винограда,
Божественный бальзам,
Оно даёт отраду
И сердцу, и глазам.

ОБИДА

Ты лелей свою обиду,
ты ее храни,
Не давай пропасть из виду
ей в любые дни.
Ты ее, голубу, пестуй,
поливай, корми,
Не давай затухнуть мести
а любовь – распни.
Пусть росток, вначале хилый,
крепость наберет,
Пусть кусает локти милый -
день, неделю, год.
Гордой будь и непреклонной,
крепкой, как скала,
И обида, став огромной,
все спалит дотла.
Выжжет душу, мысли, сердце
как траву в степи.
Скерцо, скерцо, скерцо, скерцо!
и спокойно спи.
Где сады цвели – пустыня,
обгорелый куст.
Пусть слова «любовь» и «нежность»
не сорвутся с уст.
На засов душа закрылась,
сердце на замок.
Позабудем слово «милость»,
есть ли в слове прок.
Семя зла, росток обиды,
ненависти плод –
Кто тебя, утроив беды,
кто тебя пожнет?

*** * ***

Одинокая серая улица, **,**
Почерневший асфальт под дождем.
Небеса беспросветные хмурятся…
Поскучаем, мой друг, подождем.

Может всё же погода устроится,
Может, солнышко выйдет опять.
Может всё же душа успокоится,
Ведь не век же, мой друг, горевать.

,

Слёзы высохнут, думы развеются,
Брызнет ласковый свет из-за туч.
Жить – и значит всё время надеяться –
На улыбку и солнечный луч.

*** * ***

Ночь

К О Н Е Ц П У Т И

Только Богу известно как я устал
И какой я проделал путь.
Ночь прошла, и рассвет наконец-то настал
И можно теперь отдохнуть.

Слава Богу, Который мне придал сил,
Сохранил от коварных ям.
Я шагал и карабкался, падал и плыл,
И блуждал по ночным полям.

Временами хотелось упасть, уснуть
И забыть обо всем навек.
Но я должен идти, продолжать свой путь,
Бесконечный и долгий бег.

А за мною спешила, хватая порой
За рукав или за плечо
Худощавая дама с седою косой
И с потухшею белой свечой.

И окрасилось небо в кобальт и медь,
На востоке забрезжил рассвет,
И настигла меня милосердная Смерть
И избавила разом от бед.

Ч Ё Р Н Ы Е К О Ш К И

Две чёрные кошки скребут на душе,
Им там неуютно, в моем шалаше.

Две чёрные кошки, Тоска и Печаль,
Две белых метели, Январь и Февраль.

Секунды застыли в незримой меже
И время свернулось в крутом вираже,

И зимние сумерки входят в мой дом,
И я различаю предметы с трудом.

Темнеет, темнеет, темнеет в глазах.
О Господи Боже, к Тебе я воззвах.

Спаси и помилуй меня и её,
Да имя святится извечно Твоё.

Утишь мои раны, уйми мою боль
И каплю Надежды мне выпить позволь.

Две черные кошки с когтями как медь,
И мне остается одно -

НА ГРАНИ

Уходит почва из-под ног
и всё теряет суть.
Вот-вот порвётся волосок,
еще чуть-чуть, чуть-чуть…

Смысл бытия необъясним,
и неизвестна цель.
Он как мираж неуловим,
как горизонт в метель.

Опоры рушатся, скрипят,
и некуда бежать.
Нельзя вперед, нельзя назад,
на что же уповать?

О Боже, дай немного сил,
чтоб выдержать удар.
Зачем и для чего я жил,
зачем мне жизни дар?

*** * ***

Приближается медленно тьма,
Окружает чернеющим валом.
Я схожу постепенно с ума,
Боль вонзается острым кинжалом.

Ни просвета в зловещей стене,
Даже искра надежды погасла.
Умирает огонь в глубине,
Как в лампаде, где кончилось масло.

ЗА ГРАНЬЮ

Меня здесь нет, я там – за горизонтом,
За гранью, за пределом, за чертой,
За синим и чужим Эвксинским Понтом,
Еще не умер, но и не живой.

Последний поворот, последний шаг, последнее мгновенье,
И там, на дальнем берегу найду покой,
Блаженное и полное забвенье
Всего, чем жил, покуда был живой.

Девятый вал усталости нахлынет,
Волна накроет вместе с головой,
И уходя на дно бурлящей жизни,
Я вспомню, что пока еще живой.

Н И Ч Т О

На самом краю Вселенной,
Где вечная черная ночь,
Здесь вечность быть может мгновенной,
Пытаясь себя превозмочь.

Здесь времени нет и пространства
И не с чем сверить часы,
Изменчивости и постоянства,
Бессмысленны здесь весы.

Предел ли, рубеж, граница,
Познать невозможно всё то,
В чём можно лишь раствориться,
И имя ему – Ничто.

ПОСТУПЬ НОЧИ

Опускается вечер как штора,
Загораются в окнах огни.
Ночь крадется как вор вдоль забора,
Спотыкаясь о камни и пни.

Ночь вползает в промёрзшую душу,
Ночь сочится под дверью смолой,
Ночь петлёю пеньковою душит,
Наполняя весь мир темнотой.

Искры прочерк царапнет пространство
И растает в чернильной стене.
Ночь поглубже надвинет убранство
И сомкнёт свои руки на мне.

*** * ***

Царапая бегло бумагу,
Стремительно шпаря пером,
Я ручку воткнул словно шпагу
В потрёпанный этот альбом.

Пришпилены чувства как птицы
Стрелою к дубовой доске,

Трепещут и рвутся страницы
И сердце трепещет в тоске.

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

По ком-то колокол звонит
В рассветной тишине.
Печальный плач его дрожит
И тает в вышине.

По ком, по ком, по ком, по ком,
По ком же этот звон?
Как будто гвозди молотком
Вколачивает он.

Там медный колокол гудит
В небесной глубине.
Я понимаю, что звонит
Тот колокол по мне.

Т Е Л Е Ф О Н Н Ы Й З В О Н О К

Тишину пропорол резкий звук телефона
Как внезапный удар заполошного звона.
Сердце сжалось в комок в непонятной тревоге,
Задрожала рука, стали ватными ноги.
Так внезапный звонок пролагает границу
Между тем, что уже больше не возвратится,
Никогда, никогда, никогда не вернётся,
Что за этой чертой навсегда остаётся,
И меж тем, что наступит теперь и сейчас.
Свет в тоннеле мелькнул, просиял и погас.
Вот сейчас я сниму эту черную трубку,
Вот сейчас, подождите, продлите минутку.
На минуту, другую продлите незнанье.
Телефон беспощаден как рыба пиранья.
Всё. Снимаю. Беру. Подношу как фугас.
«Это я. Да. Внимательно слушаю вас».

О Ж И Д А Н Ь Е

Девятнадцать ноль-ноль.
Откуда вдруг боль?
Сумерки сгущаются,
Страхи возвращаются.

Странные ощущения
При недостатке освещения.
Пространство растворяется,
Ночь придвигается.
Пытка ожиданья,
Ожог сознанья.
Неразличима местность.
Полная неизвестность.
Обманчивые звуки
Прибавляют муки.
Хлопнула дверь. Шаги.
Господи, помоги…
Тяжелая ситуация,
Давит гравитация.
Чёрная полоса.
Двадцать три часа.

В И Б Р А Ц И Я

Погружаюсь в сон,
Ухожу от проблем.
В голове звон,
Отказ всех систем.

Растёт давленье,
Гудят клапана.
Ещё мгновенье –
И мне хана.

Бешеное вибрато,
Миллион и два герца.
Весьма хреновато
В области сердца.

Жизнь есть боль,
А сон – благодать.
Вот в чём соль.
Поэтому – спать.

Подмена понятий ,
Вселенский криз.
Под эхо проклятий
Падаю вниз.

Улетаю в ночь
На краю дивана.
Всё уходит прочь,
Впереди – нирвана.

З-з-з… Вибрирую от напряжений,
Миллион вольт.
Не терплю возражений.
Штопором боль.

Снится, что просыпаюсь,
Двигаюсь в страшной запарке.
А это я рассыпаюсь
На эле-ментарные кварки.

И только душа взлетает
В какие-то тайные выси,
Там её ангел хватает
С глазами зелеными рыси.

Расплющен в углу дивана,
Размазан как гуталин,
И только на дне стакана
Ещё сохранился джин.

МОЛЧАНИЕ

Молчанье телефона
еще страшней звонка
Молчанье телефона,
как дуло у виска.
Молчанье означает
разорванную связь,
Молчанье назначает
замедленную казнь.
Приговорен к молчанью
на весь последний срок.
Напрасно ожиданье,
не прозвучит звонок.

У Д А Р

Посвящается всем, испытавшим удары судьбы

Удар как взрыв!
Ты выбит из седла
И по земле размазан
Словно вакса,

Глаза закрыв,
Душой сгорев дотла,
Ты должен встать, обязан
Приподняться.

Осколки мыслей
Надо вновь собрать
И чувства полумёртвые
Взлелеять,

Слова и числа
Медленно понять
И веки полустёртые
Расклеить.

Ты не убит.
Ты жив еще пока,
И вороны слетелись к нам
Напрасно.

Мотор стучит
И действует рука,
И жизнь в изломе драм
По-прежнему прекрасна.

ВОЛШЕБСТВО НОЧИ

Ночь сгущает сумрак на стекле,
Звёздная рассыпалась крупа.
Пролетает ведьма на метле.
Зарастает травами тропа.

Сотни тайных глаз из темноты
За тобою пристально следят,
И ночные белые цветы
Источают тонкий аромат.

Невесомы, неслышны шаги,
Под ногами словно мягкий мох.
Вдруг касанье лёгкое руки,
Тихий шорох, шелест или вздох.

Наполняя сердце волшебством,
Призраком холодного огня,
Ночь касается меня своим перстом,
Тайной сокровенною маня.

НОЧЬ

Поднялась темнота из кустов,
И не слышно квохтанья куриного
В предвкушении сказочных снов
Засыпает село Константиново.

Замерла августовская ночь,
В небе звездный ковчег заискрился,
Чтоб сиянием тьму превозмочь,
Лунный глаз над селом серебрился.

На реке слышен вдруг шум мотора,
Запоздавшая баржа плывет.
В небе вспыхнувший след метеора –
Чью-то душу Господь приберет.

Я стою у калитки открытой
Как у вечных Ворот Бытия,
А по небу с таинственной свитой
Проплывает Харона ладья.

*** * ***

Пропитан ненавистью воздух,
Застыло небо в феврале.
Душе усталой нужен отдых,
Но он лишь снится на земле.

Лишь снится остров безымянный
Там, вдалеке, за гранью сна,
Куда от жизни окаянной
Душа попасть обречена.

Душа, мне данная от Бога,
Ты взаперти сто сорок лет.
Осталось ждать совсем немного,
И ты увидишь вечный свет.

Там одиночество – награда,
Огонь, мерцающий вдали.
И больше мне уже не надо
Быть вечным пленником земли.

* * *

Р у б а й а т

1

Когда нахлынут разом сотни бед,
И кажется, уже спасенья нет,
Над океаном тьмы вдруг небо заискрится,
И ясный начинается рассвет.

2

Воистину, глупость над миром царит,
И правит делами, и судьбы вершит.
А разум, отшельник лесов молчаливый.
Он в келье за чашею винной сидит.

3

Свет далёкой звезды долетел до меня,
Луч холодный блеснул неземного огня.
Приоткрылась завеса иного пространства
И задёрнулась снова, призывно маня.

4

Одиноко путём неизвестным бреду
Что же там, за пределом в итоге найду?
Предстоит остановка в пустыне бесплодной
Или в пышно цветущем зелёном саду?

5

До капли последней допито вино,
И ласковый ветер ворвался в окно,
Наполнил мой дом ароматом весенним,
И горечь в душе опустилась на дно.

6

Известно всем давно, что истина в вине.
Опорожни бокал – найдёшь её на дне.
Ты видишь, мир стал ласковым и добрым,
И Сам Господь с тобой наедине.

7

В душе моей надежды не осталось,
Там только боль, тревога и усталость.
Разбилась чаша на милльон осколков,
И их уж не собрать, какая жалость.

8

Назначен день и час в грядущей мгле,
Последний день и час на голубой Земле.
Мы с каждым мигом ближе к этой дате,
К последнему листку в календаре.

9

Настенный календарь, пришпиленный к стене,
Что он таит и что готовит мне?
Один из чёрных дней, рассыпанных по полю,
Он черным будет для меня вдвойне.

10

На звёздных картах предуказан путь
Куда идти и где когда свернуть.
Коль человек – игрушка чьей-то воли,
То стоит ли идти куда-нибудь?

11

Я выпил чашу бытия до дна,
От жизни получил всего сполна –
Усталость , горечь, рухнувшие планы,
Но вместе с тем – святой бокал вина.

12

И вновь растает снег, покажется трава,
И нужные тебе отыщутся слова.
А в книге жизни лист перевернется
И новая напишется глава.

13

Всё меньше песчинок в песочных часах,
Они превращаются в пепел и прах.
Всё меньше загадок и тайн нераскрытых,
Всё больше печали в усталых сердцах

14

Когда, раздавленный судьбой, лежишь ты кучей хлама
И движется уже к концу твоя земная драма,
Сыграй достойно свой последний выход,
Останься человеком средь бедлама.

15

Мир сузился до чёрного квадрата,
Погасли в небе отсветы заката.
Из тьмы пришли и в тьму опять уходим.
Зачем и для чего мы были здесь когда-то?

16

Нам жизнь как дар дана совсем случайно.
Зачем и почему – для нас здесь скрыта тайна.
И только смерть весьма определённа,
Она придет в свой час, незрима и реальна.

17

Мы в этом мире никогда не встретимся с тобой.
Ты там, за вечности рекой, где льётся свет иной,
А я на этом берегу оставшись, жду поры,
Когда таинственный паром вернется и за мной.

18

Таит любая встреча расставанье,
Любая жизнь – всего лишь умиранье.
Казалось, лишь вчера бутон раскрылся нежный,
Но вот уже подкралось увяданье.

19

Да будь хоть семнадцати пядей во лбу,
Навряд ли ты сможешь оспорить судьбу.
Пройдёшь по дороге, проложенной ею,
И в час, ею выбранный, ляжешь в гробу.

20

Пока ты жив, ни в чём не зарекайся.
Во всех словах и фактах сомневайся.
Будь лишь в одном уверен непреложно:
От смерти не уйдёшь, как ни старайся.

21

Быть везде одиноким – удел мудреца.
Стадом ходят всегда лишь баран и овца.
А мудрец в одиночестве время проводит,
Пьёт вино, ожидая спокойно конца.

22

Когда вечером глянет в окошко луна,
Когда в дом, словно гостья, войдет тишина,
Откупорь драгоценный сосуд потаённый
И наполни бокал ароматом вина.

23

Что есть человек? Просто пригоршня праха
С душой, преисполненной боли и страха.
Он ходит под небом, как кукла по сцене,
А нить его держит Небесная Пряха.

24

Благодарю Тебя, Господь, за день, что я прожил,
За то, что в благости Своей дал мне для жизни сил,
Что смог я радости принять, а горечь – превозмочь,
Что крест, который я влачу, меня не раздавил.

25

Ночь входит мягкой поступью в мой дом,
Сидим с ней вместе за одним столом.
Я спать ложусь в объятьях темной ночи
И засыпаю беспокойным сном.

26

Путь праведных ведом лишь Господу Богу.
Но как отыскать и найти ту дорогу,
Блуждая в потёмках по ямам и кочкам,
И тщетно надеясь на чью-то подмогу?

27

Смейся, дитя, если время смеяться,
С милой целуйся, коль время влюбляться.
Дни пролетят и внезапно настанет
Время в последний свой путь собираться.

28

Свеча догорит и погаснет когда-то,
Ночь сменит багряные краски заката.
За краткий момент безмятежного счастья
Настигнет тебя неизбежно расплата.

29

Ты жил и оставил свой след на земле,
А сам ты исчез и растаял во мгле,
Как влажная капля, слеза дождевая,
Оставила след на оконном стекле.

30

Белый цвет - это символ печали.
Слово белое было вначале,
А потом все другие слова появились,
И мелодии вдруг зазвучали.

31

Творец усыпал небосвод звездами,
Украсил землю дивными цветами.
Сколь часто человек в прекрасном этом мире
Деяниями схож с безмозглыми скотами.

32

Но что есть Любовь? Если можешь, ответь.
Ожог или вспышка, стрела или плеть?
Любовь – лотерея, где нет проигравших,
А выигрыш главный – страданье и смерть.

Из АПОКАЛИПСИСА

33

Ангел бездну открыл золочёным ключом
И пронзил её взглядом как ясным лучом,
И увидел на дне я крылатого змия,
Что на тысячу лет в бездне той заключён.

34

Вот стою я у дома и в двери стучу.
В этот дом одинокий войти я хочу.
Кто услышит мой стук, тот отворит мне двери
И зажжет для меня перед входом свечу.

35

Когда снял Он с той книги седьмую печать,
На земле и на небе перестали кричать.
Воцарилось безмолвие полное в мире,
Только сердце в груди продолжало стучать.

37

Вот уже первый Ангел в трубу вострубил,
Дождь кровавый и страшный на землю полил.
Пал на землю небесный огонь беспощадный
И деревья с травою до трети спалил.

38

Вострубил третий Ангел в небесную синь,
С неба пала звезда под названьем Полынь.
Стали горькими в реках прозрачные воды,
И повеяло смертью от вечных твердынь.

39

Время настанет, придут лжепророки,
Будут речи их льстивы, а души жестоки.
Многих, смутив, поведут за собою
И как стаю мышей их утопят в потоке.

40

Чаши гнева Господня полны до краев.
Слышен Зверя ужасный и яростный рёв.
Те, кто этого Зверя избрали кумиром,
Не узнают покоя во веки веков.

50

Четыре Ангела на всех краях земли
Четыре ветра удержать смогли.
И был великий штиль на всём пространстве,
И замерли недвижно корабли.

51

Ключ от кладезя бездны был отдан звезде,
Что упала, оставшись в земной борозде.
Отворилась та бездна, и вышли из дыма
Скорпионы, как кони в железной узде.

52

Будут смерти искать и желать умереть
Люди, тяжкие муки уставши терпеть,
Но нигде не найдут от страданий покоя,
Ибо в ужасе скроется старая Смерть.

36

Беды часто гуляют по свету толпой,
Настигают и лупят одна за одной.
Если принял удар и с бедой повстречался,
То надолго забудь, что такое покой.

41

Вселенная корчилась в муках рожденья.
Вот стрелка качнулась, отмерив мгновенье.
Закончился вечер, и утро зарделось,
И день состоялся, день первый творенья.

42

Закончился роман, пора поставить точку.
Мы съели соли пуд, вина опорожнили бочку.
Нам вместе выпало шагать по этой жизни,
Но умирает каждый в одиночку.

43

Мы все пассажиры того корабля,
Который зовется планета Земля.
Он в вечном полете, и нет остановок,
И негде сойти, о спасенье моля.

44

Драгоценный хрустальный сосуд тишины
Полон рокотом шумной и пенной волны,
Перестуком дождя по брезентовой крыше
И мелодией ветра на струнах сосны.

45

Над куполом небес воздвигся яркий крест,
В земных пространствах нет свободных мест,
Природа – храм, и над созданьем божьим
Разносится вечерний благовест.

46

Как это порою звучит не печально,
Любой человек одинок изначально.
Таким и останется, даже скрепившись
С другой половиной кольцом обручальным.

47

Не родиться совсем – самый лучший удел.
Если всё ж появиться на свете сумел,
Возвращайся скорее в тот край первозданный,
Где несчастьям и бедам положен предел.

48

Из глубины веков, из глубины сознанья
Всплывают странные и смутные созданья.
Не рвётся цепь времён, и мысль перелетает
Сквозь тьму веков и бездну расстоянья.

49

На жизненном пути ты одинок как перст.
Куда не кинешь взор, на ост или на вест,
Везде бредут такие же бродяги,
И каждый тащит на себе свой крест.

53

Душа, как правило, имеет глубину.
В ней можно утонуть, уйдя ко дну.
На дне души найдёшь одни обломки
Надежд, разбившихся о бурную волну.

И з Э К К Л Е З И А С Т А

54

Ходит ветер повсюду, в любые края,
Всюду ветра проникнет тугая струя.
Но всегда возвращается ветер из странствий,
Возвращается ветер на круги своя.

55

Что делать под небом в недолгие дни,
Для цели какой нам даются они?
Что надо успеть испытать или сделать,
Пока навсегда не погасли огни?

56

Что было когда-то, то есть и теперь.
Что будет – оно уже было, поверь.
Творец воззовёт всё прошедшее в мире
И вновь приоткроет в грядущее дверь.

57

Он создал людей и вложил в их сердца
Любовь, и заботу, и мир без конца.
Живёт человек, но постигнуть не может
Таинственных замыслов Бога-Творца.

58

Время камни бросать и опять собирать,
Время плакать, смеяться, любить и страдать,
Время пить и хмелеть, опьяняясь любовью,
Время, горько вздохнув, уходить умирать.

59

Как нагим появился ты в мире людей,
Так нагим и уйдешь после прожитых дней.
Ничего не возьмешь от трудов и богатства,
Что скопил неустанной работой своей.

60

Да будут слова твои к Богу не многи,
Точны и весомы, неспешны и строги.
Коль дал перед Богом обет или слово,
Исполни немедля без всякой подмоги.

65

И нашел я, что женщина горче чем смерть,
Потому что она – для безумного сеть.
Тот, кто добр перед Богом, спасётся от женщин
А уловленный ими будет муки терпеть.

66

И возвратится прах твой в землю, чем он и был,
А дух уйдёт к Тому, Кто мир тебе открыл,
Кто жизнь в тебя вдохнул и срок тебе отмерил,
Благодаря Кому ты чашу жизни пил.

67

День за днем совершают планеты свой бег,
Звёзды свет излучают из века во век.
Для небесных созвездий совсем безразлично,
Что живет где-то там на земле человек.

68

И это пройдёт, как заметил мудрец.
Любому ненастью приходит конец.
И солнце заходит, и солнце восходит,
И с радостной вестью приходит гонец.

71

Умножающий мудрость, умножает печаль.
Тот, кто с Истины снимет незнанья вуаль,
Будет Истиной тою весьма опечален,
Запоздало и горько воскликнув «Как жаль!»

……

61

Зимний полдень застыл словно горный хрусталь.
Поцелуй на морозе обжигает как сталь,
Словно лето на миг среди стужи вернулось,
Растопив на душе ледяную печаль.

62

Во тьме неведенья мы жизнь свою влачим,
Свет Истины от нас сокрыт, неразличим.
Когда же молния прорежет мрак пространства,
Прозрев, мы вскрикнем и навечно замолчим.

63

Мы горько плачем, появясь на свет,
Как бы предчувствуя, что ждёт нас море бед.
Зачем мы появились в этом мире?
Прожив всю жизнь, ты не найдёшь ответ.

64

В глубокий сон ты ночью погружён,
И там, на сонном дне, тенями окружен.
А утром выплываешь на поверхность,
И долго вдаль глядишь, тем сном заворожен.

69

Любовь и свобода мной равно ценимы,
Два жизненных дара так необходимы,
Два дара великих, два вечных стремленья.
Но вместе, увы, они несовместимы.

70

В смиренный час вечернего заката,
Когда душа раздумьями объята,
Ей различимы все слова и звуки,
Неслышимая днем небес соната.

72

Исчерпается жизни когда-нибудь мера,
И Надежда угаснет как утром Венера,
И оставит Любовь лёгкий след сожаленья,
Но с тобою сестра их останется, Вера.

73

Чёткий пульс мирозданья забился в висках,
Тайну бездны без края открыл мне Аллах.
Заглянул я на миг в тот колодец бездонный,
И объял моё сердце мистический страх.

74

Путь к свету проходит долиною тьмы,
Путь к жаркому лету – сквозь холод зимы.
К заветной поляне недолгого счастья
Сквозь дебри невзгод пробираемся мы.

75

Цену жизни у мертвых ты должен спросить.
Лишь они тебе скажут, что значило - жить.
Пробежать по траве босиком на рассвете
И воды родниковой, склонившись, испить.

76

В поле жизни удобных дорог не ищи,
Груз невзгод своих сам на себе и тащи.
Крест, что выпал тебе, принимай со смиреньем
И на долю свою никогда не ропщи.

77

Там, где нас нет, там всегда благодать,
Но райских тех мест нам вовек не узнать.
Лишь только прибьёт нас к местам благодатным,
Как примемся тут же о лучших мечтать.

78

В иные минуты мир кажется раем…
Сижу на бревне за каким-то сараем
С бутылкою пива на лоне природы,
Я с миром сливаюсь, я им обожаем.

79

Легко расставаясь с другом, прощаешься не навсегда.
Не завтра, так послезавтра, но встретимся иногда.
Но срок отмерен не нами, неведом его конец,
И тот, кто ушел до завтра, уже не придет никогда.

80

Тайный смысл и значенье своего бытия
Не сумеем постигнуть ни ты и ни я.
Тайну ведает Тот, Кто всех тайн Вседержитель,
Кто всем нам, неразумным, Творец и Судья.

81

Жизнь течёт, и поток не направит свой вспять.
Участь вечная жизни – чего-нибудь ждать.
Так и кончится жизнь под мотив неизменный:
«Ожидая – надеяться, веря – страдать.»

82

К закату дня вдруг чувствуешь усталость,
На склоне жизни вдруг приходит старость.
Всё то, что было значимым и важным
Вдруг видится не так, как представлялось.

83

Проси и получишь, ищи и найдёшь.
Задайся вопросом: зачем ты живёшь?
Сливаются дни в бесконечные годы,
А ты всё ответа от Вечности ждёшь.

84

Когда-нибудь ты наконец поймёшь
Как хрупок мир, в котором ты живёшь,
Как всё непрочно, слабо, уязвимо.
То, что разбил, уже не соберёшь.

85

Из сна небытия ты вырван чьей-то волей
И должен жить, своей смиряясь долей,
Хотел ли, не хотел ты появиться
В земной обители скорбей и болей.

86

Смерть есть сон без сновиденья,
Смерть есть сон без пробужденья.
Мир распахнутый увидишь
Только в самый миг рожденья.

87

Печальная нота звучит затихая
И вновь возвращается, будто играя.
Печально-прозрачная вечная тема
Из сумрака Ада, в преддверие Рая.

88

Когда-нибудь ты, может, поумнеешь
И ценность жизни разглядеть сумеешь,
И с высоты премудрости печальной
О прожитых безумствах пожалеешь.

89

Иногда слышу зов, непонятный и странный,
Голос дальних миров, еле слышный, туманный.
Тихий шепот созвездий из бездны пространства
Словно хочет о тайне сказать мирозданной.

90

Не ищи мудреца при дворе у царей,
Нет его и в толпе многошумных людей.
Ты отыщешь его в отдалённой пустыне,
Где проводит он время в каморке своей.

91

Любое явленье имеет возможность
На свет проявить супротивоположность.
Простые, казалось бы, в общем понятья
На деле являют загадку и сложность.

92

Можно всё отобрать и до нитки раздеть,
Можно жизни лишить, стоит лишь захотеть.
Но нельзя одного отобрать и похитить –
Отобрать моё право на гибель и смерть.

93

Храм премудрости сложен из многих частей,
И молчание – первый из этих камней.
Научись размышлять и внимательно слушать,
И постигнешь сокрытую сущность вещей.

94

Для тебя будет день тот потерян и пуст
Если ты не лобзал в этот день милых уст,
Если солнечный диск созерцать не сумел,
Если кубок твой винный сегодня был пуст.

95

Не гоняйся за счастьем в стремленье пустом,
Не надейся, что счастье войдёт к тебе в дом.
Дело в том, что оно изначально с тобою.
Знай, что счастье сокрыто в тебе же самом.

96

Если разуму ты подчиниться готов,
То послушен ты будешь веленьям богов.
Бог вложил в тебя разум и жажду познанья
И открыл тебе бездну бессчётных миров.

97

Любая вещь всегда своё имеет имя.
Бывает, что оно сокрыто под другими.
Старайся разглядеть под маской и одеждой
Нагую суть вещей с названьями своими.

98

Мы актёры в спектакле, поставленном свыше.
Свои роли играем то громче, то тише.
Только вот выбирать эти роли не можем.
Их за нас кто-то там выбирает и пишет.

99

Не ропщи, что дела не по воле твоей,
От тебя не зависит порядок вещей.
Пусть дела совершаются собственным ходом,
И ты станешь одним из счастливых людей.

100

Ты терял что-то часто и неоднократно.
Но не думай об этих потерях превратно.
Ты ничем не владеешь навсегда и навечно,
Всё, что ты получил, возвратишь ты обратно.

101

В счастье друга всегда ты легко обретешь.
Друг с тобою, пока ты успешно живёшь.
Но в несчастье, печали, тоске или горе
Редко друга себе ты по сердцу найдёшь.

102

Бремя времени грузом ложится на плечи.
Догорают и гаснут последние свечи.
И всё чаще приходят к тебе расставанья,
И всё реже и реже случаются встречи.

103

Мы в прошлое часто наводим мосты,
О будущем любим лелеять мечты.
Но нет ни того, ни другого на свете,
Есть вспышка мгновенья в тисках темноты.

104

Нет выхода, один есть только вход,
И ты стоишь у замкнутых ворот.
Нет выхода, кругом глухие стены,
Нельзя идти назад и некуда вперед.

105

Беда всегда приходит без звонка,
Без стука выбив дверь из косяка,
Она врывается к тебе в твой домик мирный
И рушит разом всё, от стен до потолка.

106

Как жить, когда для жизни нету сил,
И всё, что ты лелеял и любил
Теряет разом смысл и назначенье,
И непонятно, для чего ты жил…

107

Прощанье всегда разрывает сердца
Тяжелым и горьким осколком свинца,
И рана прощанья всегда кровоточит,
И горечь прощанья не знает конца.

108

Чем больше спишь, тем меньше ты страдаешь.
Когда ты спишь, то слёз не проливаешь.
Во сне ты счастлив, радостен, свободен
И ничего о будущем не знаешь.

109

Когда всё потеряно – смысл и карьера,
Когда в отношеньях – мираж и химера,
Единственный свет в океане сомнений,
Маяк негасимый и пламенный – Вера.

110

Нельзя насытиться навек однажды,
Одним глотком не утолить глубокой жажды.
Ты Книгу жизни вновь не перепишешь,
В один поток войти не сможешь дважды.

111

Тот, кто телом свободен, душой же пленён,
Тот есть раб и невольник проклятых времён.
Тот, кто телом закован, но духом свободен,
Тот свободы огнём навсегда опалён.

112

Мудрец молчит среди невежд как трезвый среди пьяных.
Молчанья золото ценней речей пустых и рьяных.
Не спорь с невеждой никогда, уйди, пожав плечами,
И не меняй один дукат на сотню оловянных.

113

Я переполнен горечью от края и до края,
Со мной она всегда, то бурно клокоча, то замирая.
Как мне забыть о ней хотя бы на мгновенье?
Лишь красного вина в бокал свой наливая.

114

После долгого мрака надеюсь на свет,
На вопрос нерешимый ожидаю ответ.
Но тоннель бесконечный всё длится и длится,
И ответа проклятого всё ещё нет.

115

Я бумаге доверить могу свои чувства.
Этот день без тебя прожит тихо и грустно.
Мне тебя не хватает всегда и повсюду,
Как бокал без вина, на душе моей пусто.

116

Когда хочется плакать, а слёз больше нет,
Когда черным покажется солнечный свет,
Что же делать, о Господи, в эти мгновенья,
Если можешь, о Господи, дай мне ответ.

117

Если сможешь, испей до конца эту боль,
Чашу горечи досуха выпить изволь.
На душе без потока любви благодатной
Только черная рана и белая соль.

118

Чтобы рай обрести, надо прежде его потерять,
Чтобы путь свой найти, надо долго в потемках блуждать,
И сгореть всей душой от отчаянья, страха и боли,
Чтобы снова из пепла и праха восстать.

119

Тот, на кого любви снисходит благодать
Вопрос не станет больше задавать,
Мол, в чем же счастье в этой жизни бренной?
Оно в любви, он точно будет знать.

120

В конце туннеля свет возможно и зажжется,
Но сколько до него во тьме брести придётся?
Лишь тот, кто силы не растратил понапрасну,
Тот добредет и, может быть, спасется.

121

Если цветок не полить, он засохнет от жажды.
То же будет со мной, я без ласки погибну однажды.
Жизнь течет как река, чтобы влиться когда-нибудь в море
И в нее не войти, не напиться воды её дважды.

122

Мы ищем вдали то, что рядом лежит,
А время стремительно мимо бежит.
Взгляни же вокруг, торопящийся путник –
Вдруг что-то привычное здесь восхитит.

123

Жизнь также состоит из маленьких открытий,
Из радостей, рассыпанных в пыли,
Внезапных и божественных наитий
И света звёзд, мерцающих вдали.

* * *

Коллекция вин

« И З А Б Е Л Л А»

О бальзам души и тела,
Благородное вино
Под названьем «Изабелла»,
Я не пил тебя давно.

Ах, чертовка Изабелла,
Ты мне голову вскружила,
Заплясала и запела,
Красотой заворожила.

Кастаньетами прищелкнет,
Каблуками выбьет дробь,
До краев бокал наполнит:
«Оле! Выпьем за любовь!»

За любовь испанки страстной
Выпьем красного вина.
Будет та любовь опасной
И прекрасной, как она.

Поведёт она плечами,
Юбки пышные взметнет,
В полутьме сверкнет очами
И еще бокал нальёт.

К А Г О Р

Причастье помню с детства,
И с тех далёких пор
Единственное средство
От бед мирских – Кагор.

Божественный напиток,
Святая кровь Христа,
Он силы даст избыток
В дни скорби и поста.

Кровь жертвенного агнца
Наполнила потир,
В ней скрыта сила солнца,
Спасение и мир.

Дорога долго длится
Под голубым простором,
В руке бокал искрится
С божественным Кагором.

Благословенье неба
Земле полей и гор –
Ломоть ржаного хлеба,
Свобода и Кагор.

М У С К А Т

Дороже, чем алмаз
В сто пятьдесят карат
Вина густой топаз
С названием *Мускат*.

В глубинах винограда
Сокрыт полдневный жар.
Усталому – отрада,
Душе – небесный дар.

Налью в бокал *Муската,*
Налью *Мускат* в бокал.
Такого аромата
Я прежде не вдыхал.

Возможность мезальянса
С бокалом сложных чувств,
Волнующих нюансов
Волна коснется уст.

Создать такое чудо
Мог только Сам Творец.
Поднимем же сосуды
И выпьем наконец.

« Ч Е Р Н Ы Й Д О К Т О Р»

«Черный доктор» лечит раны
И душевные надрывы,
И несбывшиеся планы,
И угасшие порывы.

«Черный доктор» цвета крови
Лечит горечь и печаль,
Всё поймёт на полуслове,
Вникнет в каждую деталь.

Открывай сосуд скорее,
Пусть течет струя тугая.
Наливай стакан полнее,
Наполняй его до края.

«Черный доктор» нас избавит
От унынья и тоски
И на холст души добавит
Вдохновенные мазки.

Поспешим же исцелиться
От вселенского вреда.
Этот миг не повторится,
Может статься, никогда.

«ОДИНОКИЙ ШАМАН»

Над вечерней дорогой заклубился туман.
Мне навстречу попался одинокий шаман.
Он шагал и шаманил, что-то тихо бубня,
И в вечернем тумане вдруг заметил меня.
И из кожаной торбы вынул тонкий стакан,
И сосуд драгоценный откупорил шаман.
-У тебя, вижу, путник, опечаленный вид.
У шамана есть средство от тоски и обид.
И волшебного зелья тугая струя
Заскользила, играя, как живая змея.
И в вечернем тумане одинокий шаман
Протянул мне в стакане тёмно-красный дурман.
И пригубив, то зелье я выпил до дна.
В темном небе вечернем возникла луна.
И открылись мне двери, что открыть я не мог,
И забылись потери, размотался клубок.
В мире нет совершенства, но всегда есть изъян.
Я был счастлив в тот вечер и решительно пьян.

*** * ***

Герои Эллады

И К А Р

Внизу остался Крит враждебный,
Внизу летит отец Дедал,
Я ввысь стремлюсь, как гимн хвалебный
Тем, кто ни разу не летал
И - полетел!

Как тетива тугого лука
Душа трепещет и звенит.
С землёй покинутой разлука
Меня нисколько не страшит.
Полёт - пьянит!

Как тяжелы земли объятья,
Как трудно их преодолеть.
О люди, птицам мы не братья,
Но как же хочется взлететь
И в небе - петь!

О боги неба! Я впервые
Свободен как никто другой!
Моря и реки голубые
Ковром раскрылись подо мной.
О Зевс благой!

Я зелья Вакхова не ведал,
В Киприды игры не играл,
Но хмель полёта я отведал,
Полубогам подобен стал!
Дедал - отстал.

Круговорот земли и неба
Как сон волшебный наяву.
Не надо мне вина и хлеба –
Я пью эфира синеву –
Я ввысь плыву!

Жар Солнца крылья опаляет,
Сиянье Солнца глаз слепит,
Перо из крыльев выпадает
И к морю вниз, как снег, летит.
Душа - кричит!

Вот крыльев нет, весь воск растаял –
И рук беспомощен размах.
Отец Дедал, я пропадаю!
Прощай! Полёт мой терпит крах,
С небес - во прах!

Короткий вольный миг полета
Я жизнью юной оплатил.

Среди небес искать оплота
Мне рок жестокий запретил.
Как мало сил.

Всё ближе волны роковые,
Всё ближе. Ближе мой конец.
Прощайте все, пока живые!
Прощай навеки, мой отец!
Погиб юнец!

Улар! Волны слепой касанье.
Меня накрыл холодный йал,
Поток воды прервал дыханье,
И я исчез, и я пропал…
Но я - ЛЕТАЛ !

Ф А Э Т О Н

И взнузданы кони, и вожжи в руках.
Я справлюсь с конями, неведом мне страх.
О, Гелиос-Солнце, мой грозный отец,
Я властью сравнялся с тобой наконец!
И солнечный, пышущий жаром венец
Со вздохом надел на меня мой отец.
Раздумывать поздно и медлить нельзя,
Коней удержать невозможно.
Прощайте же, сёстры, прощайте, друзья!
Как сладко легко и тревожно!
Крылатые кони летят в небеса,
Натянуты вожжи, как струны.
Созвездий враждебных слышны голоса,
И Зевсовы пляшут перуны.
Вот Жертвенник слева, а справа – Змея.
Меж ними я должен стремиться.
Но руки слабеют, слабею и я,
И дёрнулась вдруг колесница.
Небесные звери оскалили пасть,
Ужасны их когти и жала.
И вздрогнули кони – утратил я власть,
Как только рука задрожала.
Пропитанный ядом кривой Скорпион
Вдруг выпустил мощное жало.
От ужаса вскрикнул в тоске Фаэтон,
И дрожь по спине пробежала.
Ослабли поводья, несётся земля
В стремительном переполохе,
И липкого страха тугая петля
Сдавила вдруг горло на вдохе.
Венец светоносный – неистовый жар
И зной раскалённого диска,

На Гее-Земле полыхает пожар
От Солнца, упавшего низко.
Дымится Парнас и горит Геликон,
Земля почернела от боли.
В бессилье поник головой Фаэтон,
Последней лишившийся воли.
Тут Зевс-громовержец нахмурил чело –
Разгневан владыка Олимпа.
Небесных коней не туда понесло,
А Солнце осталось без нимба.
Блистающей молнии огненный смерч
На дерзкого тут же обрушен.
Да будет уделом для всякого Смерть,
Кем вечный порядок нарушен.
На тысячи огненных звёздных кусков
Распалась звезда Фаэтона,
И медленно таяло в бездне миров
Лишь эхо предсмертного стона.
Чем выше полёт, чем безбрежнее власть
Над небом, землёй и вселенной,
Тем с больших высот предстоит вдруг упасть
За счастия миг драгоценный.

Т Е З Е Й И М И Н О Т А В Р

Со стоном и лязгом захлопнулась дверь,
И эхо забилось как птица.
Неведомый, страшный и яростный зверь
Во тьме Лабиринта таится.

- Спокойно, друзья! Да поможет нам Зевс
И вся олимпийская стая!
Мы выйдем из плена, по воле небес,
Пусть плачет тогда Пасифая!

Но робкие спутники жмутся к стене,
А стены темны и прохладны.
- Друзья, не робейте! Спешите ко мне,
Нас выручит нить Ариадны.

Сандалии гулко стучат, как во сне,
И сердце вот-вот разорвётся…
И вдруг в напряженной густой тишине
Чудовищный рёв раздаётся.

Рогатый ублюдок почуял людей
И ноздри раздул кровожадно.
И вынул свой меч хладнокровно Тезей, -
Я выйду к тебе, Ариадна!

А топот тяжелый всё ближе, и вот
Свирепая морда явилась!
Но точный удар от Тезея в живот –
И туша к ногам повалилась.

Хрипит и рычит, и, теряя кишки,
Пытается встать вертикально.
Но тут же по центру рогатой башки
Ударил Тезей моментально.

Кровавою пеной наполнилась пасть,
И бычьи глаза помутнели.
А юные пленники, тесно столпясь,
С надеждой и страхом смотрели.

Вдруг встал окровавленный полутелец,
Финала достигла коррида,
И тут же упал и издох наконец,
Отправившись в царство Аида.

О Зевс-громовержец, неужто конец
Отродию царственной стервы?
Ужели покинут сей жуткий дворец
Его уцелевшие жертвы?

Мгновенье стояли в немом столбняке,
В спасенье поверить не смея,
Клубок Ариадны мерцал вдалеке
И ждал возвращенья Тезея.

Заветная дверь наконец поддалась,
Не выдержав бурной атаки,
И бывшие пленники, жить торопясь,
Исполнили танец сиртаки.

За бурным весельем, за чашей хмельной
Сменить паруса позабыли.
И с парусом черным скорее домой
Под ветром попутным поплыли.

А где-то в Афинах, у края скалы
Эгей ожиданьем томился.
И вот из морской затуманенной мглы
Вдруг черный корабль появился.

- Он черный, он черный! Он ночи черней!
И ночи черней мое горе!
И бросился в море несчастный Эгей,
В Эгейским вдруг ставшее море.

П Е Р С Е Й И Г О Р Г О Н А М Е Д У З А

На западном крае Земли,
Где Солнце свой путь завершает,
Где редко плывут корабли,
Где вечная Ночь обитает

Находится остров пустой,
Где только застывшие стоны
Нашедших здесь вечный покой –
Их всех погубили горгоны.

Три чудища злобой кипят
И медными машут руками,
И змеи, свиваясь, шипят,
И взгляд обращает всех в камень.

В ощеренной пасти сверкают, остры,
Клыки как клинки от кинжала,
Три яростно-злобных горгоны-сестры
Медуза, Стейно, Эвриала.

И есть ли на свете страшнее портрет
Я, право, сказать затрудняюсь.
Мне кажется, более страшного нет,
Но может быть, я ошибаюсь.

А где-то отсюда за сорок морей,
Совсем о горгонах не зная,
На острове Сериф жил юный Персей,
Чья мать – «золотая» Даная.

И вызвал его как-то царь островка,
Имевший свой вид на Данаю.
Решил погубить он Данаи сынка,
От страсти к Данае сгорая.

-Ты должен, сын Зевса, отправиться в путь,
И будет дорога опасной.
Ты голову грозной горгоны добудь,
Горгоны Медузы ужасной.

И с гордым спокойствием молвил Персей,
Презреньем обдав Полидекта:
-Я в полном восторге, о царь из царей,
От дерзкого крайне проекта.

И вышел спокойно из царских палат,
Богам олимпийским взмолился:
-Гермес и Афина, я ныне как брат
За помощью к вам обратился.

Посланник богов быстроногий Гермес
И мудрая дева Афина
Спустились на землю с высоких небес,
Чтоб выручить зевсова сына.

Афина Паллада вручила свой щит
Из ярко начищенной меди.
Он зеркалом ясным на солнце горит
И будет гарантом в победе.

Гермес дал герою изогнутый меч,
Острее наточенной бритвы.
Им можно мгновенно любого рассечь
И стать победителем битвы.

Простившись с Данаей, любимец богов
Отправился в дальние дали.
С оружьем чудесным он к битвам готов,
С ним справится кто-то едва ли.

Он странствовал долго, он плыл по морям,
Где жмутся по скалам сирены,
И вот наконец-то, горяч и упрям,
Он края достиг Ойкумены.

Добрался с трудом он до мрачной страны,
Где жили три старые грайи.
Они возлежали при свете луны,
Питаясь плодами папайи.

У этих трёх грай был единственный глаз,
Они им владели посменно.
И вот наш Персей изловчился – и раз!
И глаз тот похитил мгновенно.

Взмолились несчастные грайи: отдай,
Верни драгоценное око!
Взамен мы укажем дорогу в тот край,
Куда ты стремишься до срока.

И вот он попал в тот таинственный край,
Где нимфы лесов обитали.
У них задержался герой невзначай.
Ах, как его нимфы встречали…

Когда же прощанья настала пора,
Вручили Персею три дара:
Вот шлем-невидимка, вот чудо-сума,
Летучих сандалий вои пара.

Он с помощью этих волшебных даров
Легко одолеет Медузу.
И вихрем несётся любимец богов
Как шар в биллиардную лузу.

Вот остров горгон возникает вдали,
Здесь спят три ужасные твари,
И даже их змеи соснуть прилегли,
Как видно, и змеи устали.

Парит над горгонами птицей Персей,
Пытаясь понять, где Медуза:
Не знает, как их различить, хоть убей,
И дело дошло до конфуза.

Все три равнозначны, как капли воды,
Но смертна одна лишь сестрица,
Поэтому, чтоб не пропали труды,
Персею нельзя ошибиться.

Тут вовремя с неба свалился Гермес,
Перстом указав, где Медуза,
И снова взвился и исчез средь небес,
Как нас вдохновившая Муза.

Настал кульминации яростный миг:
Персей чудо-меч обнажает
И, глядя в свой щит на чудовищный лик,
Он к спящей стремглав подлетает.

Удар рассекает безумную плоть
Как спелую мякоть арбуза.
Лежит голова как тяжелый ломоть,
Как груда металла – Медуза.

Чудовищный взор, не раскрывшись, погас,
И чёрная кровь закипела.
Из крови родился крылатый Пегас
И взвился из мертвого тела.

Звеня и шипя, голова как чурбан
Под ноги героя скатилась.
Вот тут-то волшебная сумка-карман
Персею весьма пригодилась.

От шума проснулись других две сестры
Бессмертных, Стейно, Эвриала.
И вдруг увидали: на склоне горы
Безглавая туша лежала.

И дикий звериный и яростный рёв
Прорезал окрестные скалы.
Горгоны завыли как стадо слонов,
Которых терзают шакалы.

На крыльях могучих взлетели они,
Их бешенством очи сверкали.
Носились без отдыха ночи и дни,
Убийцу сестрицы искали.

А ловкий Персей, словно вихрем взметён,
Невидимый в шлеме Аида,
Несётся тем временем прочь от горгон,
И остров их скрылся из вида.

Он мчится как птица на остров Сериф,
Где ждет – не дождётся Даная,
Где берег ласкает любовно прилив
И вновь отступает, играя.

Усталой походкой войдёт во дворец:
- Я выполнил данное слово.
Теперь твоей власти над нами конец, -
Персей произносит сурово

- Быть может ты хочешь, о царь из царей,
Взглянуть на головку Медузы?
Решай же и думай как можно скорей,
Устал я от этой обузы.

Но царь Полидект побледнел словно мел.
И, вымолвить слова не смея,
Отпрянул от сумки и в угол присел,
Руками махнув на Персея…
……

Он подвигов много еще совершил,
Не зная на них моратория.
Он спас Андромеду от дьявольских сил,
Но это – другая история.

ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

Подвиг первый.

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ

Гигантский невиданный дьявольский лев,
Исчадье Тифона с Ехидной,
В Немейских пещерах нашел себе хлев,
Где спал после трапезы сытной.

Немея, несчастной судьбы городок,
Подвергся ужасной напасти.
Сбежали из города кто только смог
От львиной чудовищной пасти.

Пустынна окрестность, вокруг ни души,
Здесь страх навсегда поселился.
И в этой зловещей лесистой глуши
Геракл наконец появился.

Он долго бродил средь ущелий и скал,
А солнце склонялось к закату.
Косматого монстра он долго искал,
Готовя злодею расплату.

И вот он услышал рычанье, и вдруг
Явилось гривастое тело.
Геракл натянул свой без промаха лук,
Со свистом стрела полетела.

Но львиная шкура тверда как броня,
Железом проткнуть невозможно,
Она не боится ни стрел, ни огня,
И пулей пробить её сложно.

И тут зарычал оглушительно лев,
И эхо как гром прокатилось,
Звериная ярость и яростный гнев,
И пасть его пеной покрылась.

Увидев Геракла, в гигантском прыжке
Несётся свирепая туша.
Геракл же, примерив дубину к руке,
На львиную морду обрушил.

Упал оглушенный дубиною лев,
Гримаса оскала застыла,
Как ветер стихает, на дуб налетев,
Так рухнула львиная сила.

Но жизнь до конца не покинула льва,
Он может еще оклематься.

Косматая дёрнулась вдруг голова,
И лев попытался подняться.

Но быстр и могуч наш бесстрашный герой,
Сомнений не зная отдельных
На львиную тушу он прыгнул горой
И стиснул в объятьях смертельных.

Задёргалось тело, забило хвостом
И пасть приоткрыть попыталось,
Хрипело, и билось, рвалось, а потом
Мешком бездыханным осталось.

И львиная тень отлетела во мрак,
Утратив былую натуру.
А тушу доставил в Микены Геракл
И снял там с чудовища шкуру.

Подвиг второй.

Л Е Р Н Е Й С К А Я Г И Д Р А

Родная сестрица немейского льва,
Вместилище всяческой скверны,
Жила эта гидра, не год и не два,
В болоте близ города Лерны.

Змеиное тело плюс девять голов
(Одной видно было ей мало),
Ловила та гидра людей и коров,
И с чавканьем тут же съедала.

И щерились гнусно те девять голов,
Одна из которых бессмертна,
И множилось в Лерне количество вдов,
И множился ужас безмерно.

Геракл, отправляясь на подвиг второй,
В пути чтобы не было скучно, ,
Дружка захватил Иолая с собой
(Тандем, выражаясь научно).

И вот из пещеры, из смрада болот
Ползёт эта самая гидра.
Змея, не змея, в общем, полный урод,
Свирепей бенгальского тигра.

Геракл потревожил лернейскую грязь,
Стрелой своей гидру ужалив,
А гидра навстречу ему поднялась,
Все головы разом оскалив.

Но он наступил на змеюку ногой,
И гидра хвостом засучила.
Геракл же дубиной взмахнул боевой –
Одна голова отскочила.

Удар за ударом, башка за башкой
Слетают как спелые груши.
Но тут с удивленьем заметил герой,
Что головы лезут из туши.

На месте отрубленных – новеньких две
Оскалили свежие пасти,
Две новые шишки на старой канве.
Явились, голубчики, здрассьте.

А тут из болота чудовищный рак
Возник и впиявился в ногу.
- Я вправе тогда, - поразмыслил Геракл,-
Позвать себе тоже подмогу.

На зов появился дружок Иолай
И рака того укокошил.
- Сейчас же деревья скорей поджигай,
Мы гидру огнём огорошим.

И головы гидры одну за одной
Геракл методично сшибает,
А друг его, факел держа пред собой,
Их шеи огнём прижигает.

Дошел до башки до бессмертной черёд,
Слетела и эта арбузом,
И шлёпнулась гидра ногами вперёд,
Прощенья прошу – кверху пузом.

Подвиг третий

С Т И М Ф А Л И Й С К И Е П Т И Ц Ы

Счастливой Аркадию кто-то назвал,.
Там жизнь безмятежно струится.
Но был у залива там город Стимфал,
И жили близ города птицы..

Как этих созданий сюда занесло,
Зачем их природа сваяла?
На их производство изрядно пошло,
Представьте, цветного металла.

Не знает пощады изогнутый клюв
Как бритва отточенный, медный.
И медные когти в добычу воткнув,
Разносят свой клёкот победный.

А перья на бронзовых перьях торчат, ,
Как иглы остры и опасны.
Стрелою те перья на жертву летят
И их попаданья ужасны.

Пустынны окрестности, город затих,
Из дома все выйти боятся.
Ведь встреча с одним из созданий таких
Сулит бездыханным остаться.

И должен Геракл этих птиц истребить,
Изгнать за пределы Эллады.
И тут он был вынужден помощь просить
Богини Афины Паллады.

Два медных тимпана (их сделал Гефест)
Богиня вручила герою.
Гремели они словно целый оркестр,
Их звук был ужасен, не скрою.

Герой поднялся на возвышенный холм
И грянул внезапно в тимпаны,
И медные птицы взметнулись столбом
И прыснули как тараканы.

Над лесом стоит оглушительный звон,
И носятся в панике твари.
Им имя, как скажут поздней, легион.
Геракл же был просто в ударе.

Настала пора лук и стрелы достать
Такие прекрасные цели.
Он птиц металлических начал сбивать,
Лишь перья со звоном летели.

Стрела настигает одну за другой,
И падают с неба ошмётки.
Разит их без промаха лук боевой.
Держите гостинец, уродки!

И в страхе тогда поднялись в облака
И прочь унеслись из Стимфала
Остатки тех птиц, что остались пока
В живых (но осталось их мало).

Они унеслись за морской горизонт,
Быстрей урагана умчались

Туда, где Эвксинский кончается понт,
И там их следы затерялись.

Подвиг четвертый

К Е Р И Н Е Й С К А Я Л А Н Ь

Тонка между счастьем и бедствием грань,
Возможны различные стадии.
Жила и резвилась чудесная лань
Всё в той же счастливой Аркадии.

Но люди страдают, дела их плохи,
Такая уж видно планида.
Ту лань в наказанье за чьи-то грехи
Наслала сама Артемида.

Весьма плодородной была здесь земля,
Обильно цвела без усталости.
Но лань златорогая эти поля
Топтала и мяла без жалости.

Погибли посевы, пропал урожай,
Лишь жалкие зреют остатки.
И снова паши, и опять всё сажай,
И снова возделывай грядки.

Настигнуть зловредную лань и схватить,
Живую в Микены доставить –
Сей подвиг придется Гераклу свершить
И тем своё имя прославить.

Несётся без устали лань по горам
И реки форсирует сразу,
Сейчас она здесь, а глядишь – уже там,
Опять ускакала, зараза.

Не месяц, не два, а почти целый год
Геракл за животным гонялся.
Без отдыха шел он вперед и вперед
До крайних пределов добрался.

До гиперборейских добрался широт,
Куда эта лань завернула
И здесь он почти завершил свой поход,
Но подлая вновь ускользнула.

Он только в Аркадии лань ту настиг,
Но целой поймать не случилось:
В отчаянье лук натянул свой и вмиг
Стрела в её ногу вонзилась.

И дёрнулась лань, и умерила прыть,
Весьма беспокоила рана.
Герою осталось на плечи взвалить
Её как простого барана.

Он шествовал с ланью в Микены, домой.
Судьба его вновь испытала.
Он встретился вдруг с Артемидой самой,
Богиня от гнева пылала.

- Как смел ты, Геракл, меня так оскорбить,
Любимую лань мою ранить?!
Я этой обиды не в силах простить,
Злодейство без кары оставить.

Склонился Геракл пред богинею ниц,
Отвесив земные поклоны.
- Моё уваженье не знает границ,
К тебе, дочь великой Латоны.

Я брат, между прочим, тебе по отцу,
Мне Зевс как бы тоже родитель.
Сестру оскорблять мне совсем не к лицу,
Но есть у меня повелитель.

Служить Эврисфею по воле богов
Обязан я беспрекословно.
Его порученья быть должен готов
Исполнить всегда безусловно.

Я лань эту чертову, Зевс мне прости,
Вовек бы не видеться с нею,
Обязан живой на себе принести
И на руки сдать Эврисфею.

Смягчилась богиня, замяла вопрос,
О лани своей не жалея.
Геракл наконец-то в Микены принес
И отдал ту лань Эврисфею.

Подвиг пятый

ЭРИМАНФСКИЙ ВЕПРЬ

Недолгое время Геракл отдыхал,
В спокойствие, в общем, не веря.
Ему Эврисфей поручение дал –
Убить эриманфского зверя.

Чудовищной силы свирепый кабан,
Оскалив клыки плотоядно,
Был яростью дикой всегда обуян
И всех убивал беспощадно.

К горе Эриманфу отправился в путь
Геракл через реки и долы,
И тут по дороге решил завернуть
К кентавру знакомому, Фолу.

Кентавр его встретил и пир закатил,
И встречи былые припомнил.
Сосуд с ароматным вином он открыл
И чаши до верха наполнил.

Божественный дар виноградной лозы
Собратья неспешно вкушали.
Они ниоткуда не ждали грозы
И мирно себе пировали.

Но тут набежало кентавров полно,
Учуявших винную бочку.
Как сменл этот Фол открывать их вино
И пить, не спросясь, в одиночку!

Пылавшие яростью к ним ворвались
Не лошади, но и не люди,
И в гневе громить и крушить принялись
И чаши, и яства на блюде.

Геракл же, схватив из огня головню,
Досадой и гневом пылая,
Заехал какому-то полуконю,
Пощады и меры не зная.

Был страшен во гневе могучий герой
Когда его чем-то достали.
И бросились в бегство кентавры толпой,
Лишь только копыта сверкали.

Разят их без промаха молнии стрел,
И воздух дрожит от трезвона.
И горе тому, кто спастись не сумел,
Укрывшись в пещере Хирона.

Был другом Геракла мудрейший Хирон,
Но в гневе герой не заметил,
Кого поразил метким выстрелом он
И кто за обиду ответил.

О горе! О горе! Спасения нет,
От стрел этих нет исцеленья.
И в муках покинул Хирон этот свет,
Ища у Аида спасенья.

Геракл опечаленный тронулся в путь,
И выйти не в силах из транса,
Руками могучими бил себя в грудь,
Пока не достиг Эриманфа.

Там в чаще лесной он нашел кабана,
Спугнул его яростным криком.
На вепре решил отыграться сполна
И гнал в исступлении диком.

Кабан ломанул от него напрямик,
Но снег его прыть поубавил.
Геракл, навалившись, связал его вмиг
И вскоре в Микены доставил.

Когда Эврисфей увидал кабана,
От страха он стал заикаться
И в медный огромный пустой от вина
Сосуд умудрился забраться.

Подвиг шестой

Скотный двор царя Авгия

Царь Авгий Элидой когда-то владел,
Безмерно богат был и жаден.
Быков и коров он без счёта имел,
Был двор его скотный громаден.

Каких не имел только Авгий быков:
И белых как снег, и пурпурных…
Воистину, был он любимцем богов,
Манер не имея культурных.

Отец его, Гелиос, выехав ввысь,
Для сына, конечно, старался.
Стада по Элиде беспечно паслись,
И в роскоши Авгий купался.

Но дни проходили, а также года,
Навоз постепенно копился.
Быки и коровы жевали всегда,
И двор его скотный забился.

Представьте навозный густой аромат,
А также навозную жижу.
Копились они год за годом подряд,
Царю прибавляя престижу.

Чтоб вывезти в поле весь этот навоз,
Пришлось бы три года возиться.
Гераклу поручено данный вопрос
Решить и домой возвратиться.

- О, Авгий, три года возиться мне лень,
Но если мне будет награда
Я двор этот скотный очищу за день
За десять процентов от стада.

И Авгий коварный, раскинув умом,
Решил, что в геройском запале
Тут даже десяток Гераклов с трудом
За год всё осилят едва ли.

И он согласился, сказав своё «Да»,
Давай, мол, сын Зевса, старайся.
Очистишь – получишь в награду стада,
А нет – то ни с чем возвращайся.

За скотным двором, прямо наискосок,
Две быстрых реки протекали.
Алфей и Пеней там струили поток,
Текли, и заботы не знали.

Геракл разломал две стены у двора
И реки в пролом тот направил.
Алфей и Пеней с рёвом, как трактора,
Навоз весь смели и умчали.

Геракл заложил обе стены опять,
Поток завернув, как квадригу.
Пришел он к царю свою долю забрать,
А тот показал ему фигу.

Геракл был от ярости бешен и зол,
Неистов был как терминатор.
Впервые ни с чем с поля боя ушел
Божественный ассенизатор.

Прошло пару лет, и Геракл навестил
С войсками всё ту же Элиду.
В сраженье стрелой он Авгия сразил,
Сполна отплатив за обиду.

Подвиг седьмой

КРИТСКИЙ БЫК

Правителем Крита был мудрый Минос,
Сын Зевса и юной Европы.
Ему как-то раз Посейдон преподнёс
Быка драгоценнейшей пробы.

Из синего моря однажды возник
Тот бык, словно айсберг сияя,
И вышел на берег, могуч и велик,
Восторг у зевак вызывая.

Имел этот бык благородство и стать,
Рога свои нёс как корону.
Но должен был Минос подарок заклать
И жертву свершить Посейдону.

Но жаль, если честно, такого быка
Пустить просто так на закланье.
И не поднялась у Миноса рука,
И он не исполнил заданье.

И Минос, мудрейший из критских царей,
Взял жертву из собственных боен,
Решив, что и так повелитель морей
Останется в целом доволен.

Однако легко Посейдон раскусил
Подмену говядины царской,
И в гневе тогда на быка напустил
Он бешенства вирус британский.

Носился по острову бешеный бык,
Всё руша, круша и сметая.
И рогом людей поддевал как на штык,
Несчастную жертву пронзая.

Одни из критян затворились в домах,
Боясь даже высунуть носа,
Другие укрылись в высоких горах,
Честя и ругая Миноса.

Но вот через море Геракл переплыл,
Готовый на экстренный подвиг.
Быка он поймал и тотчас укротил,
И стал тот смиренным как кролик.

На спину гиганта уселся герой,
Решив путешествовать морем.
Телец возвышался рогатой горой
И плыл словно яхта с мотором.

Волна за волною накатывал вал,
И море резвилось, играя,
А мощный бугай только кротко фырчал,
Всей грудью волну рассекая.

Когда-то, как древняя повесть гласит,
Таким же практически рейсом
Царевна Европа приплыла на Крит,
А бык тот был, собственно, Зевсом.

Хожденье за море окончив, Геракл
Трофей предъявил Эврисфею,
Но тот с Посейдоном тягаться не стал,
Быка опустив поскорее.

А тот на свободе взбесился опять
И резво помчался по склону,
Стараясь в пути сокрушить и сломать
Попутно любую препону.

Вот вдоль Марафонского поля бежит
И ноздри раздул, свирепея.
И тут был героем другим он убит,
Тут принял он смерть от Тезея.

Подвиг восьмой

КОНИ ДИОМЕДА

Во Фракии дикой жил царь Диомед,
Бистонами правил на троне.
Такого злодея не видывал свет,
Под стать ему были и кони.

Те кони невиданной были красы,
А также невиданной силы.
Но были они кровожадны как псы,
Людей доводя до могилы.

Железные цепи держали коней,
Их к стойлам навек приковали.
Бросались как тигры они на людей
И дико и бешено ржали.

Кормил Диомед тех коней, ей-же-ей,
Не клевером, не ананасом,
А потчевал их, словно диких зверей,
Одним человеческим мясом.

И всех чужеземцев (и это не бред)
Бистоны немедля хватали
И тут же тащили коням на обед
И в стойло несчастных бросали.

И кони копытами били людей,
И рвали зубами на части,
А после съедали до самых костей.
Такие вот жуткие страсти.

И вот к Диомеду явился Геракл,
Ко лбу его лук свой приставил,
Свирепых коней у царя отобрал
И их на корабль переправил.

Любимцу Абдеру коней поручил,
Достойному сыну Гермеса,
А сам с Диомедом на бой поспешил,
Хоть был Диомед с перевесом.

Отряд у Геракла был численно мал,
Но каждый достоин десятка.
В итоге сражён Диомед наповал,
И тем и закончилась схватка.

Пока же сражался Геракл на земле,
В отваге не чувствуя меры,
Те дикие кони на их корабле
Терзали красавца Абдера.

Вернулся с победой герой на к5орабль
И жуткую видит картину.
И он погрузился в тоску и печаль,
И вырвал волос половину.

Останки любимца земле он предал,
Укрыв под холмом кавалера,
И город в честь юноши он основал,
И дал ему имя – Абдера.

Коней же привез Эврисфею Геракл,
Исполнив монаршую волю.
А тот с перепугу с престола упал,
Велев отпустить их на волю.

Помчались те кони к горам Ликейон,
Покрытых густыми лесами.
Где диких зверей обитал легион,
И звери их там растерзали.

Подвиг девятый

П О Я С И П П О Л И Т Ы

В стране амазонок, воинственных дев,
Царицей была Ипполита.
Искусством военным весьма овладев,
Ей крови немало пролито.

Самой Ипполите когда-то Арес,
Бог битв и рубака отменный,
Вручил как избраннице воли небес
Свой кожаный пояс бесценный.

Тот пояс украсил девический стан
Как символ божественной власти.
В бою охранял он от травм и от ран,
И прочей военной напасти.

Но дочь Эврисфея Адмета сама
Тот пояс примерить хотела.
На этой идее свихнувшись с ума,
Вещицу достать повелела.

И снова Геракл собирается плыть,
И путь вновь опасен и долог.
Он должен тот пояс царицын добыть,
Достигнув страны амазонок.

Собрал он героев надёжный отряд,
Чтоб плыть за черту горизонта,
И подвигов ратных свершив целый ряд,
Доплыл он до берега Понта.

Когда их корабль к Фемискире пристал,
Страны амазонок столицы,
Сама Ипполита пришла на причал
И с ней её первые лица.

- О, славный сын Зевса, скажи напрямик –
Зачем же ты прибыл к нам в город?
С войной или миром в наш город проник?
Как друг ты пришел аль как ворог?

Геракл ей ответил, что с войском прибыть
Пришлось не по собственной воле.
- Я должен, царица, твой пояс добыть,
Не менее, но и не боле.

Ценя откровенность, царица отдать
Свой пояс герою решила.
Но Гера, богов олимпийская мать,
В обратном её убедила.

Надев амазонки парадный наряд,
Втесавшись в царицыну свиту,
Она им сказала, что хочет отряд
Похитить саму Ипполиту.

Для свары всегда есть немало причин,
Плохому ведь верят охотно.
И женщины, выхватив с криком мечи,
Рванули лавиною плотной.

Но лучше б они свой воинственный пыл
Направили в русло другое.
Геракл разъярённый как уток разил
Тех женщин одну за одною.

Вот пала Аэлла как сноп, на бегу,
А следом за ней и Протоя
(Я встретиться с ней не желал бы врагу),
Нарвавшись на стрелы героя.

Щетинились копья, сверкали мечи,
От стрел было в воздухе тесно.
И были те девы в бою горячи
(А как в остальном – неизвестно).

Но в битве уже наступил перелом,
И девы уже понимали,
Что тут у них вышел с Гераклом облом,
С ним справиться можно едва ли.

А он Меланиппу забрал себе в плен
Начальницу ихнему войску.
Затем с Ипполитой свершил он обмен,
На пояс сменяв амазонку.

Вот так получил он, богине назло,
Предмет вожделений Адметы.
Пусть носит его, как корова седло,
Используя вместо корсета.

Подвиг десятый

К О Р О В Ы Г Е Р И О Н А

Для подвигов новых, для новых премьер
Геракл был всегда наготове.
Чудовищ разить ли, каких ли химер –
Всё это Гераклу не внове.

Но вот Эврисфей поручил ему стать
Ковбоем коровьего стада:
Он должен коров Гериона пригнать,
Отняв их у этого гада.

А был Герион великан еще тот,
Трёх тел и голов обладатель.
Короче, мутант, шестиногий урод,
Спаси и помилуй, Создатель.

И жил он на западном крае земли,
В краю холодов и тумана,
От всех городов и селений вдали,
На острове средь Океана.

Геракл в одиночку собрался в поход.
Спортивным пружинящим шагом
По Африке шел он вперед и вперед,
Где прямо, а где и зигзагом.

И вот он дошел до пределов Земли,
Где воды шумят Океана.
Здесь дикие скалы как гроздья росли
И запах стелился дурмана.

Над узким проливом два мощных столпа
Воздвиг он единым ударом
Как знак, что его здесь ступала стопа
(Зовут их теперь Гибралтаром).

И сел наш герой на прибрежной скале,
Расправив могучие плечи.
Раздумье читалось его на челе,
А тут еще близился вечер.

Он должен до острова как-то доплыть
(Названье его – Эрифейя)
И подвиг десятый свой там совершить
Как можно быстрей и скорее.

Вдруг видит – с небес колесница бежит,
В ней Гелиос, зноем палящий.

Гераклу он челн золотой предложил –
Удобный, надёжный, блестящий.

Проблема решилась, вот остров уже
Приблизился в пене прибоя.
Но пёс двухголовый в слепом кураже
Набросился вдруг на героя.

Тот пёс охранял Гериона стада
Совместно с другим великаном.
Но справился с ними Геракл без труда,
Сразив их мощнейшим уларом.

И вот оно – стадо удойных коров,
Последняя снята препона.
Однако коровье мычанье и рёв
Достигли ушей Гериона.

И вот трёхголовый как страшный дракон,
Прикрывшись тремя же щитами,
Спешит к похитителю стад Герион,
Махая шестью же руками.

Геракл натянул смертоносный свой лук,
Стрела как оса прожужжала
И в глаз Гериону впиявилась вдруг,
Разящее выпустив жало.

За первой вторая вонзилась стрела,
Еще одну дырку проделав,
А третья под битвой черту подвела,
Сразив трёхголовое тело.

Геракл в довершенье дубинкой взмахнул,
Обрушив её на мутанта,
И ловко по трём головам звезданул,
И плюхнулась туша гиганта.

Но это полдела – гиганта свалить,
Ведь надо признать еще стадо.
На солнечный челн всех коров погрузить
Геракл постарался как надо.

Он всех переправил коров без потерь
И челн возвернул Гелиосу.
Дорога теперь предстояла теперь
В Микены, к дражайшему боссу.

Испания, Галлия, Альпы и вот,
Работая часто в три смены,
Геракл пригоняет, закончив поход,
Всё в целости стадо в Микены.

Подвиг одиннадцатый

Ц Е Р Б Е Р

Ужасно подземное царство Аида,
Где тени бесплотные бродят толпой,
Где пёс трёхголовый престрашного вида
Подземной земли охраняет покой.

На шее клубятся у Цербера змеи,
И пастью дракона ощерился хвост,
И три головы вырастают из шеи,
А сам – высотой с человеческий рост.

Вот этого адского пса преисподней
И должен в Микены доставить Геракл.
Затеи опасней, глупей, сумасбродней
Пожалуй, доселе герой не встречал.

Но нечего делать, назвавшись Гераклом,
Ты должен на подвиг любой быть готов.
Приказ посчитав этот странным и наглым,
Он в путь, тем не менее, собрался без слов.

Путь в мрачное царство не так уж и долог,
У мыса Тэнара есть пропасть в земле.
Пришедши туда, наш герой-спелеолог
Спустился в провал, оказавшись во мгле.

Он факел зажег, и при сумраке низком
Вдруг видит – у самых Аидовых врат
Тезей с Перифоем, царем фессалийским,
Приросши к скале, как статуи стоят.

Когда-то, проникнув в подземную зону,
Отвагой безумной бездумно горя,
Похитить Аида жену – Персефону
Решили герои (конечно же, зря).

Геракл протянул свою мощную руку
И ею Тезея от скал оторвал.
А вот Перифоя оставил на муку -
Богов так решил олимпийский хурал.

Во мрак вечной ночи дорога змеилась,
То стоны, то шорохи слышны, то крик.
Но тут вдруг Афина Паллада явилась,
А с нею Гермес вездесущий возник.

Они проводили Геракла до входа,
Где тени умерших теснились толпой.

Но только вошел он под мрачные своды,
Как все разлетелись, все, кроме одной.

Лишь тень Мелеагра, бесплотней эфира,
К Гераклу с такой обратилась мольбой:
- Сестру мою там защити, Деяниру,
Возьми её в жены, великий герой.

Геракл обещал взять сестру его в жены,
И двинулся дальше, Гермесом ведом.
Но вдруг пронеслась тень ужасной горгоны
Медузы, взмахнув золоченым крылом.

Герой наш бесстрашный за меч было взялся,
Хотел было эту горгону пырнуть.
«Да это лишь тень!» - тут Гермес рассмеялся,
И дальше они продолжали свой путь.

И много чудовищ престранного вида
На этой дороге Геракл увидал,
Пока наконец перед троном Аида,
Подземного царства владыки предстал.

Аид же Гераклу, представьте, был дядя,
Поскольку был Зевса великого брат.
Герою сказал он, приветливо глядя,
Что он его видеть живого здесь рад.

Но что же заставило Зевсова сына
Покинуть свет солнца, спустившись во мрак?
Серьёзная, видно, на это причина,
Сюда ведь никто не сойдет просто так.

- Великий Аид, душ умерших властитель,
Я просьбу смиренно свою изложу.
По воле богов у меня есть правитель,
Которому я безупречно служу.

И этот правитель, туды его в дышло,
Такое заданье придумал мне дать:
Трёхглавого Цербера, как бы ни вышло,
Я должен ему непременно поймать.

-Ну что же, племянник, - ответил владыка,
Я странную просьбу исполню твою.
Но Цербера должен без шума и крика
Поймать безоружным, в открытом бою.

И долго бродил по подземному царству
Герой, наблюдая вокруг чудеса.
Но вот наконец-то финита мытарствам:
Он видит зловещего адского пса.

Как молния быстрый, на Цербера прыгнув,
Кольцом своих рук шею монстра сдавил,
И пёс трёхголовый, загривок свой выгнув,
В три пасти истошно и грозно завыл.

И вой этот страшный наполнил всё царство,
И тени безумной метались толпой,
Не зная, где скрыться, в какое пространство,
Чтоб только не слышать ужасный тот вой.

А Цербер рычал и змеёй извивался,
И всеми башками, ощерясь, мотал.
Не знал, на кого, бедолага, нарвался,
В капкан каких рук он, несчастный, попал.

Хвостом с головою дракона ужасной
Пёс ноги герою трехкратно обвил.
Однако сей трюк был попыткой напрасной,
И Цербер придушенный рухнул без сил.

И пса укрощенного вывел из мрака
Герой на просторы родимых полей.
Но света дневного боялась собака,
Скулил, упираясь, трёхглавый трофей.

Геракл притащил трёхголовую псину
Царю Эврисфею, но тот, паразит,
Как лист задрожал, лишь увидев зверину,
Велел её срочно отправить в Аид.

Ведь с Цербером дело иметь неприятно,
И, чтобы сей подвиг закончить скорей,
Не мешкая пса потащил он обратно,
Вернув его в целости в царство теней.

Подвиг двенадцатый

ЯБЛОКИ ГЕСПЕРИД

Уж скоро итоги пора подводить,
Подходит к концу эпопея,
И подвиг последний осталось свершить
На службе царя Эврисфея.

Двенадцатый подвиг свершить предстоит,
А все они, ох, не простые.
Он должен проникнуть в сады Гесперид
И яблоки взять золотые.

Когда-то те яблоки Гея-Земля
Взрастила в подарок на свадьбу
Для Геры и Зевса, весь мир им суля
И ту золотую усадьбу.

Вот в этих роскошных и буйных садах
И жили тогда Гесперид,
Три дочки Атласа, что нёс на плечах
Всё небо всей нашей планиды.

Но путь к Гесперидам не знает никто,
Все лишь пожимают плечами.
Восток или запад, то это, то то,
Не знаем, нет-нет, не встречали.

Блуждая по свету, герой наш, орел,
Утюжит пространства и страны.
И вот он на Север предельный забрел,
На берег реки Эридана.

Прекрасные нимфы в той жили стране,
Героя они обласкали.
Когда уходил он, довольный вполне,
Те нимфы совет ему дали.

Заветный тот путь до садов Гесперид
Известен лишь старцу Нерею.
А тот многолик и изменчив на вид,
То в льва превратится, то в фею.

Теперь вот Нерея извольте искать.
Но где может старец скрываться?
И как поточнее об этом узнать?
Придётся, как видно, стараться.

Терпенье и поиск, упорство и труд,
А также немного везенья.
Был вещий Нерей обнаружен, и тут
Геракл не терял ни мгновенья.

Железные руки его разомкнуть
Нерей попытался с пыхтеньем.
Но тщетно. Пришлось тот таинственный путь
Герою открыть с сожаленьем.

И вызнав у старца заветный маршрут,
Он двинулся в путь поскорее.
По Ливии знойной шагал он, и тут
Узрел великана Антея.

Тот Геи-Земли исполинский сынок
(А бог Посейдон – его папа)
Был крут как скала и как мачта высок,
Рука – словно львиная лапа.

И странное хобби имел тот Антей:
Он всех заставлял с ним бороться.
И всех побеждал словно малых детей,
И всех убивал чем придется.

А тайна Антея была такова:
Земля ему сил прибавляла,
И стоило к ней прикоснуться едва,
Как мощью его наливала.

Геракл раскусил хитроумный секрет,
Антея поднял словно штангу.
Рывок – и подпитки земной больше нет,
И сплющил его как жестянку.

Бродил еще долго по свету Геракл,
Пока не дошел до предела.
Пора завершать этот долгий спектакль,
Пора закрывать уже дело.

И был изумленьем Геракл обуян
И чуть не лишился он речи,
Увидев, как Атлас, могучий титан,
Взвалил себе небо на плечи.

И вот, приведя себя в божеский вид,
К титану герой обратился:
-О Атлас великий, я в сад Гесперид
Проникнуть так долго стремился.

И вот я у цели, и вот наконец
Двенадцатый подвиг свершится,
И власти царя Эврисфея конец,
За грех я сумел расплатиться.

-Я знаю, герой, где тех яблок искать,
И с просьбой, конечно, я справлюсь.
Но должен ты свод на плечах подержать,
Пока я за ними отправлюсь.

Геракл согласился, была не была,
И принял груз неба на плечи.
Богиня Афина ему помогла,
Избавив от ран и увечий.

Но мускулы вздулись, и кости трещат,
И тяжесть небес непомерна.
Ни шагу вперёд и ни шагу назад.
И сколько стоять так примерно?

Но вот наконец появился Атлас
И яблоки с ним золотые!
И весь небосвод наконец-то сейчас
Он примет на плечи крутые.

Но Атласу так надоел этот свод,
Так рад он найти себе смену,
Что сам он решил собираться в поход
К царю Эврисфею в Микены.

Таким вот коварным был этот титан,
Геракла провел словно лоха.
Однако герой наш замыслил свой план
И кротко сказал после вздоха:

- Согласен я, Атлас, но только позволь
На плечи подушку надвину.
Натёрло мне небо на шее мозоль,
Я пост на минутку покину.

И Атлас опять своё место занял,
Взваливши всё небо на шею.
Геракл же «адью» интригану сказал
И в путь поспешил, к Эврисфею.

И вот получил Эврисфей этот приз.
Геракл ему стал неугоден.
Исполнив 12-й царский каприз,
Герой наш отныне свободен.

*** * ***

Скерцо

Служба спасения от одиночества

Служба спасения от одиночества.
Ваши фамилия, имя, отчество?
Ждите, прибудем минут через пять.
Какое общество желаете заказать?
Интеллектуально-снобистское,
Панибратски-близкое,
Изысканно-благородное,
Или посконно-природное?
Два кореша, свои в доскý,
Быстро разгонят вашу тоску,
Можно вместе решать кроссворды
Или набить друг другу морды
(по последним данным науки,
сильно помогает от тоски и скуки).
Есть в ассортименте весельчаки и балагуры,
Имеются даже непробиваемые дуры:
Полный контраст и интеллектуальное несходство,
Будете ощущать своё превосходство.
Может, Вам нужен просто собутыльник?
Напитки Ваши. Запишите мобильник.
Разговор поддержит на любые темы,
Вникнет во все Ваши проблемы.
Есть картёжники, шахматисты, циники,
Пофигисты, туристы и поэты-лирики.
Держим профессионала экстра-класса
(Правда, на него заказов масса) –
Быстро разрушает одиночества клетку,
Можно поплакаться в специальную жилетку.
Оплата почасовая.
Цена договорная.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

Молчит мой голос внутренний,
Не хочет говорить.
А так порою утренней
Вдруг хочется творить!

А он молчит, зараза,
Ни бе тебе, ни ме.
Напрасно жду экстаза
Как молнии во тьме.

Ну как язвить глаголом,
Ну как пленять стихом,
Когда слепить два слова
Приходится с грехом.

Ушел на дно мой голос,
Лежит в глубоком сне,
Лишь вспоминает изредка,
Что истина в вине.

Д И Л Е М М А

Два барана столкнулись на узком мосту.
Шел один в Монфлери, а другой в Пуату.
Постояли в раздумье часа этак три.
Как попасть в Пуату? Как пройти в Монфлери?
Подведя же раздумьям тяжелым черту,
Тот, что шел в Монфлери, повернул в Пуату.
Да какая мне разница, черт побери –
Тот, что шел в Пуату, побежал в Монфлери.

Выбираем дорогу то эту, то ту.
То нам дай Монфлери, то подай Пуату.
А ведь важно лишь то, что творится внутри,
Будь ты здесь в Пуату, или там в Монфлери.

М Е Ч Т А

Пришли открытку мне из города Бомбея.
В Бомбее я ни разу не бывал.
Пришли хоть что-нибудь, и поскорее,
Из южных стран, я так о них мечтал.

Волшебный Юг, таинственные страны,
Загадочный и сказочный Восток.
Волной ленивой дышат океаны,
Выбрасывая жемчуг на песок.

А здесь у нас снега, сугробы по колено.
Как я устал без солнца и тепла.
Как хочется мне вырваться из плена
И убежать, забросив все дела.

Дождусь ли я прихода почтальона,
Дождусь ли я заветного письма
Из дальних стран, где запах кардамона,
Где зреют ананасы и хурма.

Простой конверт и марка голубая,
Гвоздики и корицы аромат…
Волшебный запах солнечного края
Вдыхаю я и вижу дивный сад.

Тот самый, где кокосы и бананы,
Где пальмы и цветущие маслины,

Где прыгают по веткам обезьяны
И хвост расправив шествуют павлины.

Тот самый рай, где я ни разу не был
И где мне никогда не побывать,
Не полежать под вечно синим небом,
Маслины и бананы не срывать…

СТРАННЫЙ СОН

Ты мне приснилась в белом сари,
С красивой родинкой во лбу.
Вокруг тебя сновали твари
И пели птицы марабу.

Ты шла походкой неземною,
Как бы по облаку скользя,
И любовался я тобою,
Как будто пешка на ферзя.

А ты в руке держала манго,
И был прекрасен этот плод.
Но вот вошла ты в воды Ганга
И погрузилась в лоно вод.

Проснулся я как солнце встало,
Сон улетел как дым в трубу,
И долго думал я устало:
Причем здесь родинка во лбу?

О, ЖЕНЩИНЫ

Как приятно женщину за талию обнять,
Как порой приятно её поцеловать.
Как приятно с нею провести часок
И послушать нежный женский голосок.

Обегаешь взглядом стройный силуэт,
Там где надо – выпукло, где не надо – нет.
Вьётся волос волнами, взгляд слегка лукав.
Бог, создавший женщину, был пожалуй прав.

САГА О ГОЛОДНЫХ ТЕФТЕЛЯХ

Две вкусных тефтели
На прошлой неделе
Куда-то по воздуху
Плавно летели.

Летели и пели
О чём-то тефтели.
Но вот подкрепиться
Они захотели.

Уселись тефтели
На сломанной ели
И долго решали,
Как быть, в самом деле.

А ветви на ели
Под ними скрипели,
Настолько тяжёлыми
Были тефтели.

Да, голод не тётка,
Решили тефтели,
И пристально так
На себя посмотрели.

С поджаренным луком
В упитанном теле,
Ах, как аппетитно
Сидели тефтели.

Сидели, шкворчали
И маслом потели
Две вкусных, но очень
Голодных тефтели.

И так аппетит
Разыгрался в их теле,
Что съели друг дружку
Бедняжки тефтели.

И вот не осталось
На сломанной ели
Уже ни одной
Очень вкусной тефтели.

Ни капли от масла,
Ни крошки от лука,
На сломанной ели
Не слышно ни звука.

Друзья, не хочу
Изрекать вам морали.
Вы истину, думаю,
Сами поняли.

В тяжелый момент ли,
В минуту досуга,
Я вас умоляю:
Не ешьте друг друга.

НЕВРАЛГИЧЕСКАЯ ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ

Отделенье невралгии на четвёртом этаже,
Отделенье невралгии всё заполнено уже.
Здесь не хлюпики лежат и не нытики,
А инсультники да паралитики.

Эх, прединсультное состояние –
Не стояние, а сплошь лежание.

Терапия здесь у нас обыкновенная,
Всё вливания да внутривенныя.
Я таблетки принимаю не формально,
А согласно рецептуре – перорально.

Эх, …

Я здоровью своему не враг,
Ведь оно нуждается в коррекции.
Превратили уже задницу в дуршлаг,
Всё инъекции да инъекции.

Эх, …

На таблетках мы сидим, Богу молимся,
Посидим, да полежим, да уколемся.
И не сало, не колбаску и не блинчики,
А рубаем в основном витаминчики.

Эх, …

Соблюдай теперь, мне говорят, спокойствие,
А от жизни получай лишь удовольствие.
Только жизнь – она совсем другого мнения,
Нервотрёпки преподносит и волнения.

Эх, …

Я стараюсь быть бесстрастный
И на всё подряд плюю,
Бреюсь бритвой безопасной,
Понапрасну слёз не лью.

Эх, …

Принимаю аспирин с валерьянкою.

Завязал, представьте, с пивом, с этой пьянкою.
Образ жизни исключительно тверёзый.
Наслаждаюсь тополями и берёзой.

Эх, …

Говорят, у нас природа лучший лекарь.
Здесь не нужен ни провизор, ни аптекарь.
Лепота кругом, сплошная благодать,
Только глубже надо воздухом дышать.

Эх, …

Вот соседу видно воздух не понравился.
Перестал совсем дышать да преставился.
Не заставишь быть здоровым из-под палки.
Увезли его, беднягу, на каталке.

Эх, …

Но недолго его койка пустовала,
Прединсультников у нас кругом немало.
Может, этому побольше повезет –
Отлежится три недели – и вперед.

Эх, …

Мы выходим из больницы ошалевшие слегка,
Не нужны нам больше шприцы и таблеток полмешка.
Будем снова жить как прежде, и смеяться, и любить,
А об этой самой смерти постараемся забыть,
постараемся забыть,
постараемся забыть…

ОДА ВО СЛАВУ ПИВА

Благодарю Тебя, Господь,
Что Ты создал такое диво:
Душе усталой, как и плоть,
Ты дал божественное пиво.

Причастье пивом нас роднит
И приобщает к высшим силам.
И кровь уже быстрей бежит
По охладевшим было жилам.

И мысль становится остра,
Пронзая остриём пространство,
И снова жизнь – моя сестра,
И хоть на час, но постоянство.

О благодатный дивный хмель,
Янтарь, расплавленный в бокале,
Тебя я пью и вижу цель
И тайный смысл в том ритуале.

*** * ***

Во дворе собака воет,
Листья кружат, мельтеша.
Голова с похмелья ноет
И в кармане ни шиша.

На душе такая скверность,
В организме – кавардак,
В глотке – сухость и фанерность,
И вокруг сплошной бардак.

Почему-то нос как слива,
Под глазами два мешка…
Здесь поможет только пиво,
Охлажденное слегка.

Только пиво, только пиво,
Только пиво без конца.
Всё опять вокруг красиво,
Снова радует сердца.

Л И М Е Р И К И

1

Одинокий поэт из Америки
Сочинял на досуге лимерики.
Сочинив сотен пять,
Он устал сочинять
И забился в ужасной истерике.

2

Ветеран из села Марчуги
Потерял на войне две ноги,
Но не стал унывать,
А пошел танцевать,
Натянув на протез сапоги.

3

Как-то раз мужичок с Москворецкой
Где-то с горя надрался «стрелецкой».
Он лежал и храпел,
И вставать не хотел.
Так и спал он с улыбкою детской.

4

Жила-была девочка Клара
В доме напротив базара.
Как-то раз по базару бродила
И купила себе крокодила.
Получилась прелестная пара.

5

Одному старичку с Цемгиганта
Очень нравились «пепси» и «фанта».
Как-то раз в жаркий день
Он залез на плетень,
«Фанту» пил и штудировал Канта.

6

Старичок из поселка Медведка
Телевизор смотрел очень редко.
Если шел сериал,
Он тотчас засыпал
Как от самой снотворной таблетки.

7

Мужичок из села Городищи
Обнаружил в кармане две тыщи.
Был чертовски он рад,
Что теперь он богат,
Что отныне он больше не нищий.

8

Как-то слесарь один из Парижа
Приобрел себе фрак для престижа.
Он ходил в нем в кино
И играл в домино,
А зимой в нем катался на лыжах.

9

Пожилой бедуин из Марокко
Жил на свете совсем одиноко.
Целый лень у палатки лежал,
Иногда доставал свой кинжал
И вонзал его в землю глубоко.

10

Знаменитый поэт Эдвард Лир
Зачитал свою книгу до дыр.
Он лимериков книжку
Брал с собою подмышку,
Даже если шагал он в сортир.

11

Как-то раз в половине второго
Шла старушка в поселок Хорлово.
Шла к своей же подружке
Выпить пива по кружке
И сыграть в «дурачка» подкидного.

12

Земледелец один из Андорры
Посадил по весне помидоры.
Уж он из охранял,
Поливал, удобрял,
Но однажды их стибрили воры.

13

Наш турист возле стен Тель-Авива
Две бутылки нашел из-под пива.
Он их в сумку прибрал,
А на родине сдал
На хранение в фонды архива.

14

Старичок из посёлка Цюрупа
Съел на ужин три порции супа,
А потом как в нирване
Он лежал на диване,
В телевизор уставившись тупо.

15

Как-то шли по дороге из Федина
Две старушки, ужасные вредины,
И у встречной старушки
Отобрали все плюшки,
И тотчас были плюшки те съедены.

16

Раз колхозник один из Степанщина
Побывал на премьере «Хованщины».
Не поняв ни бельмеса,
Он смотрел с интересом
На житьё пресловутой боярщины.

17

Раз электрик из города Сочи
С бодуна весь квартал обесточил.
Протрезвев на мгновенье,
Он сказал в удивленье:
«Ё-моё, что же я наворочал?»

18

Как-то раз у села Щельпино
Продавали из бочки вино.
Все селяне сбежались,
Но отведав, плевались.
Оказалось прокисшим оно.

19

Некий сноб из квартала Новлянского
Родом был из сословья крестьянского,
Но как истинный сноб
Обожал эскалоп
И любил утром выпить шампанского.

20

Как-то раз у села Чемодурова
Повстречал я крестьянина хмурого.
Вопросив: «Как дела, старина?»,
Я был послан им на,
В направленье деревни Перхурово.

21

Как-то раз в переулках Мадрида
Встретил я одного индивида.
Он писал на заборе
«Миа донна аморе»
И еще что-то из Еврипида.

22

Как-то раз встретил я водолаза,
Волочившего два унитаза.
На вопрос : «Где достал?»,
Он, прищурясь, сказал:
«А тебе что за дело, зараза?»

23

Как-то раз отдыхая в Алупке,
Встретил девушку я в мини-юбке.
Очарован нарядом,
Я пошел с нею рядом,
Но она мне ответила: «Дудки!»

24

Как-то раз в закоулках Бродвея
Повстречал я в потемках злодея.
Искривившись в ухмылке,
Он отнял две бутылки,
Что я нёс чтобы сдать в бакалее.

25

Как-то утром в порту Лиссабона
Встретил я одного охламона.
Он сидел в кабаке,
Пребывая в тоске,
И коньяк попивал… без лимона!

26

Как-то утром в гостинице Дели
Я глаза разлепил еле-еле,
И припомнил с трудом,
Как в притоне одном
Мы вчера хорошо посидели.

27

Как-то раз вместо масла «олейна»
Я добавил в картошку портвейна,
И умял это блюдо,
Кулинарное чудо,
С аппетитом и благоговейно.

28

Тракторист из колхоза «Завет Ильича»
Как-то принял на грудь 200 грамм первача,
И почуяв кураж,
Он вошел в такой раж,
Что вспахал полсела сгоряча.

29

Старичок, проживавший в Чите,
Целый день проводил в суете.
Заводной как юла,
Затевал он дела,
Но не там, не тогда и не те.

30

Как-то раз в переулках Арбата
Повстречал я, представьте, пирата.
Оглянувшись кругом,
Предложил CD-ROM
Он мне с записью русского мата.

31

Раз случилось на Новой Гвинее
Мне на рынке купить ахинеи.
Я понес ахинею в отель,
Но меня попросили отель
Убираться как можно скорее.

32

Посетила меня как-то муза,
Притащила с собой два арбуза.
Испытав удивленье
И прилив вдохновенья,
Я наелся тех ягод от пуза.

33

Раз проездом я был в Сингапуре
И решил приобщиться к культуре.
Чтоб не быть ротозеем
Побывал в их музее
И ушел просветленный, в натуре.

34

Старичку из Куала-Лумпура
Помогала от кашля микстура:
Два стаканчика виски,
Две свиные сосиски.
Вот такая была рецептура.

35

Жил туземец один на Таити
И большие имел тити-мити.
Их с избытком хватало
И на хлеб, и на сало,
И еще оставалось, чтоб выпить.

36

Как-то раз в раскалённой Калькутте
Я дошел постепенно до сути.
Эта самая суть
Не дала мне уснуть
И такой подняла во мне мути.

37

Был на острове я Занзибаре,
Побывал там на ихнем базаре.
Накупил всякой дряни
И потратил все «мани».
Всё подряд покупал, как в угаре.

38

Занесло меня раз в Улан-Батор,
Там на рынке купил сепаратор.
Для чего сей прибор
Не пойму до сих пор.
Лучше б я там купил калькулятор.

*** * ***

Воскресенск

2004 г.

Издательский дом «Лира»